

На диво тонкая, остроумная и завораживающая история
отчаянной храбрости, героической страсти, запредельной любви
и неутомимого поиска свободы... Книга блестящего автора,
которая заставляет задуматься.

Booklist

КАСТА МИМОВ

САМАНТА ШЕННОН

Сезон костей

Саманта Шеннон

Каста мимов

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.11
ББК 84(4Вел)-445

Шеннон С.

Каста мимов / С. Шеннон — «Азбука-Аттикус», 2015 — (Сезон костей)

ISBN 978-5-389-11377-0

Близкое будущее, Лондон. Грань между мирами стерлась. Многие люди обзавелись сверхъестественными способностями, а заодно и врагами – правительство ненавидит паранормалов и старается натравить на них невидцев, обычных людей. Вдобавок из потусторонней реальности вторглись могущественные рефаиты и начали наводить свои порядки; еще немного усилий, и эти таинственные и жестокие существа поработят человечество. Бывшая пленница рефаитов, юная ясновидица Пейдж Махоуни, решает дать им бой, не догадываясь о том, какие чудовищные испытания ее ждут.

УДК 821.11
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-11377-0

© Шеннон С., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Часть первая	11
1	11
2	20
3	30
4	39
5	49
6	57
7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Саманта Шеннон

Каста мимов

Борцам и творцам посвящается

*Актеров сонм – подобье бога —
Бормочет, говорит,
Туда, сюда летит с тревогой, —
Мир кукольный спешит.
Безликий некто правит ими,
Меняет сцены вид.*

Эдгар А. По. Червь-победитель

Samantha Shannon

THE MIME ORDER

Copyright © 2015 by Samantha Shannon-Jones

All rights reserved

Published by arrangement with DGA Ltd., London

Карты Юлии Каташинской

© А. Петрушина, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

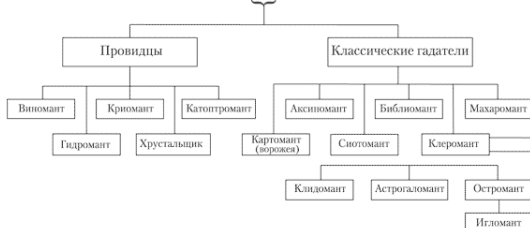
СЕМЬ КАСТ ЯСНОВИДЦЕВ

Классификация дана по памфлету «Категории паранормального»

I. ГАДАТЕЛИ

Пурпурная каста

Представители данной касты сообщаются с эфиром посредством нум (магических предметов).
Основной род деятельности – предсказание будущего

II. ПРОРИЦАТЕЛИ

Синяя каста

Сообщаются с эфиром посредством органических веществ или элементов.
Основной род деятельности – предсказание будущего

III. МЕДИУМЫ

Зеленая каста

Сообщаются с эфиром посредством духов. Подвержены приступам одержимости

IV. СЕНСОРЫ

Желтая каста

Чувствуют эфир на лингвистическом и сенсорном уровнях. Иногда способны управлять эфиром

V. ХРАНИТЕЛИ

Оранжевая каста

Обладают повышенным влиянием на духов и могут сдвигать эфирнопространственные рамки

VI. ФУРИИ

Оранжево-алая каста

Провоцируют внутренние изменения при взаимодействии с эфиром (преимущественно в лабиринте)

VII. ПРЫГУНЫ

Алая каста

Воздействуют на эфир вне физических рамок. Обладают повышенным восприятием эфира

РАЙОН СЕКТОРА 4 КОГОРТЫ I (I-4)

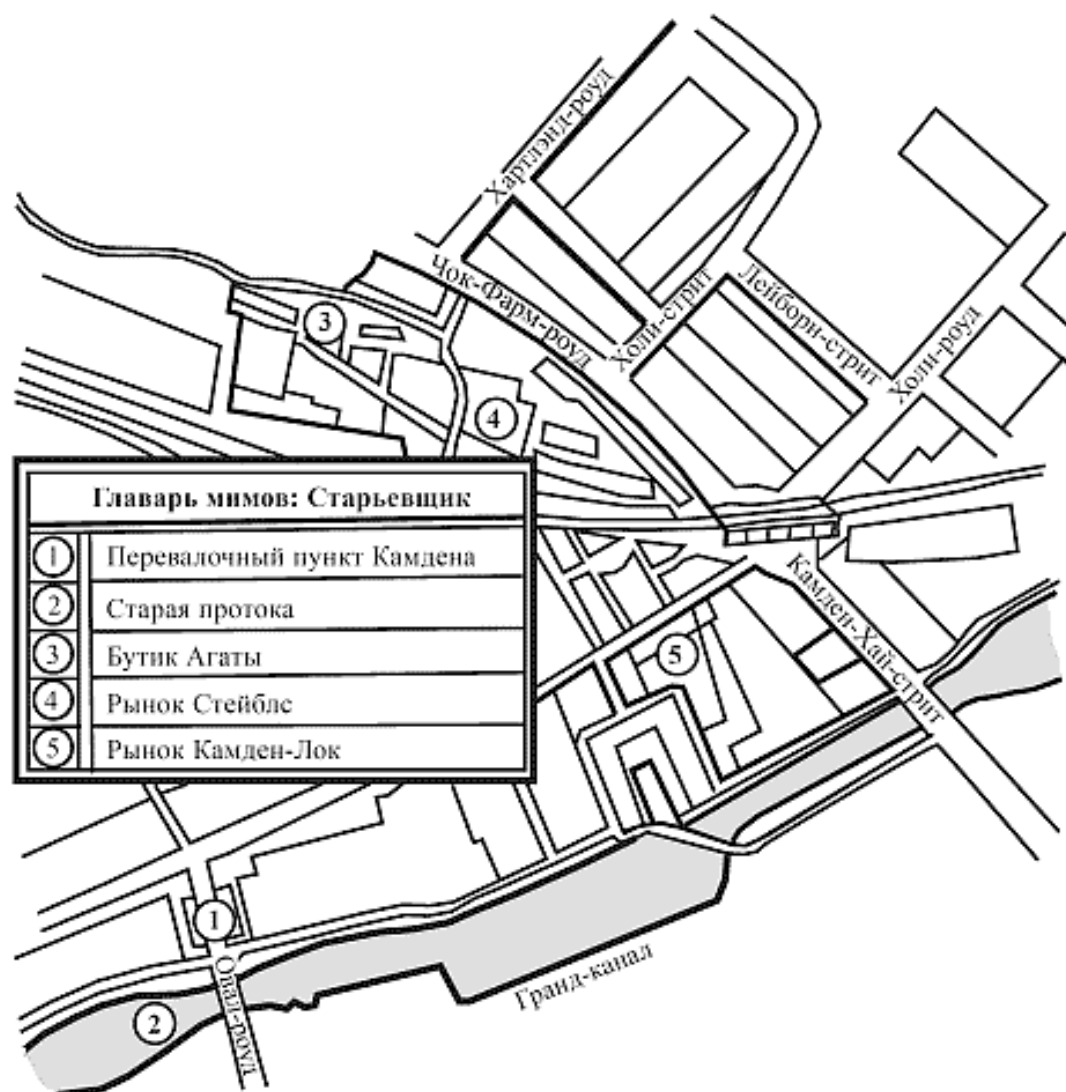
Глварь мимов: Белый Сборщик

①	Логово Белого Сборщика
②	Кафе «У Чэта»
③	Нилс-Ярд
④	Черный рынок Ковент-Гардена
⑤	Вход в рынок
⑥	Ковент-Гарден
⑦	Заброшенный мозик-холл
⑧	Бук-Мьюс

РАЙОН СЕКТОРА 5 КОГОРТЫ I (I-5)

РАЙОН СЕКТОРА 4 КОГОРТЫ II (II-4)

СОСТАВ ПОТУСТОРОННЕГО СОВЕТА

2059 г.

КОГОРТА I

1. ТЕМНЫЙ ВЛАДЫКА
Сенной Гектор и его
досточтимая подельница
Рот-до-Ушей
2. Аббатиса
3. Мэри Борн
4. Белый Сборщик
5. Огненная Мария
6. Джек-Пружинки-на-Пятках

КОГОРТА II

1. Джимми О'Гоблин
2. Стеклянная Герцогиня
3. Речник
4. Старьевщик
5. Кровавый Кулак
6. Злая Леди

КОГОРТА III

1. Висельник
2. Принц Водосток
3. Мадам Спикер
4. Пятая Сестра
5. Том Рифмач
6. Светляк

КОГОРТА IV

1. Красная Шапочка
2. Усопший Король
3. Жемчужная Королева
4. Безликая
5. Лорд Зеленщик
6. Языческий Философ

КОГОРТА V

1. Скорбная Сильфида
2. Верный Ворон
3. Чарли Правдоруб
4. Парниша
5. Капитан Прохиндей
6. Паромщик

КОГОРТА VI

1. Сир Грин
2. Мартовский Заяц
3. Помещица
4. Зверюга
5. Дженни Зеленка
6. Зимняя Королева

*Обращаем внимание, что перечень достопочтимых подельников
и подельниц можно посмотреть в частной библиотеке
«Призрачного клуба»*

Часть первая

Ложное солнце

*Разве не очевидно превосходство нас, паранормалов, над прочими?
Пусть мы зиждемся на костях общества, ютимся в клоаках и клячим
на хлеб, но при этом служим проводниками в иной мир. Доказательством
загробной жизни. Катализатором безграничной энергии, незыблемого
эфира. Мы укротили смерть. Обезоружили старуху с косой.
Таинственный Автор. Категории паранормального*

1

Эвакуация

Редкая история начинается с истоков. Вот и меня водоворот событий отбросил к началу эпилога. Впрочем, история с рефайтами и Сайеном началась почти за двести лет до моего рождения, а человеческая жизнь, по меркам рефайтов, скоротечна как миг.

Одни революции меняют мир за считанные часы. Другие тянутся десятилетиями и веками, но и в этом случае не всегда приносят заветные плоды. Моя началась с мгновения и выбора. С цветка, распустившегося в тайном городе на границе двух миров.

Подождите и сами увидите, чем все закончится.

И снова добро пожаловать в Сайен.

2 сентября 2059 года

Все десять вагонов поезда были обставлены на манер гостиной. Пушистые алые ковры, столы розового дерева, диванчики с вышитым на спинках золотым якорем – эмблемой Сайена. Из невидимого динамика лилась классическая музыка.

В углу восседал Джексон Холл, главарь мимов в I-4 и по совместительству главарь нашей кодлы. Сложенные руки покоились на набалдашнике трости, немигающий взгляд был устремлен вперед.

Через проход, держась за свисающее с потолка железное кольцо, стоял мой лучший друг Ник Найгард. После шести месяцев разлуки его родное лицо вызывало чувство щемящей ностальгии. Рука в переплетении вздувшихся вен покрепче стиснула кольцо, глаза были прикованы к окну, за которым мелькали сигнальные огни. Неподалеку устроились еще трое: Даника с огромной раной на голове, окровавленная Надин и ее брат Зик с простреленным плечом. Последняя «печать», Элиза, осталась в Лондоне.

Я сидела чуть поодаль, наблюдая, как во тьме тают очертания туннеля. На предплечье, в том месте, откуда Даника извлекла микрочип, горел свежий ожог. В ушах звучало прощальное напутствие Стража: «Беги, юная Странница, беги!» Но куда бежать Стражу? Запертую дверь на станцию охраняют вооруженные легионеры. При своих внушительных габаритах Страж мог двигаться бесшумно, как тень, но даже тень не проскользнет мимо такого заслона. Нашира Саргас, его бывшая невеста и правительница рефайтов, не пожалеет сил, чтобы отомстить неверному возлюбленному.

Где-то во мраке притаилась золотая пуповина, связующая нить между мной и Стражем. Я погрузилась в эфир, но ответа так и не получила.

Сайен наверняка знает о восстании. Кто-нибудь наверняка успел передать послание до того, как пожар уничтожил пути сообщения. Малейший намек – и архонт догадается о бес-

порядках в колонии. Скорее всего, нас уже ждут с винтовками и транквилизаторами. Ждут, чтобы отправить обратно в тюрьму.

По крайней мере, чтобы попытаться.

– За дело! – Я поднялась с кресла. – Когда прибываем?

– Минут через двадцать, – отозвался Ник.

– Как насчет пункта назначения?

– Не очень хорошо, – криво ухмыльнулся Ник. – Попадаем прямиком в архонт. Конечная станция аккурат под ним. «С-Уайтхолл».

У меня екнуло сердце.

– Только не говори, что вы планировали смыться через архонт!

– Нет. Мы собирались тормознуть поезд чуть раньше, а там как повезет, – пояснил Ник. – Промежуточные станции еще никто не отменил. Дани вообще предлагает идти через служебные туннели.

– Эти туннели кишмя кишат подземщиками, – возразила я, поворачиваясь к Данике. – Не слишком ли рискованно?

– Охраны там нет, максимум рабочий персонал, – успокоила та. – Меня больше волнуют старые туннели. Вряд ли СайОРТ туда вообще заглядывал.

СайОРТ расшифровывался как «Сайенский отдел робототехники». Кому, как не его сотрудникам, знать про те туннели.

– Должен быть другой вариант, – настаивала я. Даже если доберемся по главной подземной артерии, нас арестуют у первого же терминала. – Как насчет того, чтобы развернуть поезд? Может, отсюда есть выход на улицу?

– Здесь нет ручного управления. И не такие они идиоты, чтобы открывать проход наружу по этой линии. – Даника убрала со лба насквозь пропитанную кровью тряпку. – Состав запрограммирован на возвращение в «С-Уайтхолл». Активируем пожарную сигнализацию, а сами соскочим на ближайшей станции.

Идея провести толпу народа по мрачным полуразрушенным путям пахла безумием. Все устали, измучились, а идти нужно в темпе.

– Мне кажется, под Тауэром тоже есть платформа, – заявила я. – Не могут же они отправлять ясновидцев и начальство с одной станции.

– Когда кажется – крестятся, – вклинилась Надин. – Все-таки не пять минут идти. От Тауэра до архонта топать и топать.

– Ясновидцев держат в Тауэре. Логично предположить, что станция там под боком.

– Допустим, ты права, – подключился к беседе Ник. – Тогда нужно рассчитать, когда лучше врубить сигнализацию. Есть идеи? Дани!

– Чего?

– Как определить, где мы сейчас?

– Говорила же – понятия не имею.

– А ты рискни.

Она помешкала с ответом; у нее под глазами уже наливались синяки.

– В принципе... на путях должны быть отметки, чтобы рабочим проще ориентироваться. Ну, такие таблички с расстоянием до ближайшей станции.

– Но разглядеть их можно, только остановив поезд?

– Вот именно. А попытка у нас одна.

– Ладно, вы тут решайте, а мне надо найти, чем активировать сигнализацию.

С этими словами я направилась в соседний вагон. При моем приближении Джекс демонстративно отвернулся.

– Джексон, есть зажигалка?

– Нет, – отрезал он.

– Ясно.

Вагоны были разделены автоматическими дверями. Такие не запереть, за стеклянными перегородками не укрыться. Атакуй нас сейчас – все, труба.

В смежном вагоне сбились в кучку выжившие ясновидцы. У меня еще теплилась надежда, что Джулиан успел сесть на поезд, но увы – моего сообщника нигде не было. Сердце разрывалось от тоски и боли. Даже если они с отрядом спаслись, Нашира снимет им голову с плеч еще до рассвета.

– Пейдж, куда мы едем? – спросила Лотти, одна из арлекинов. На ней по-прежнему был костюм для празднования двухсотлетнего юбилея, бесцеремонно сорванного нашим побегом. – В Лондон?

– Да, – кивнула я. – Послушайте, мы остановим поезд заранее и пешком двинем к станции. В противном случае нас доставят прямо в архонт.

Все в ужасе переглянулись.

– Сомнительный план, – буркнул Феликс.

– Другого нет. Когда вас грузили в поезд до Первого Шиола, кто-нибудь не спал?

– Я, – откликнулся прорицатель.

– Есть под Тауэром подземная станция?

– А то! Нас забирали прямиком из камер – и туда. Но мы же не пойдем той дорогой?

– Если не будет альтернативы, пойдем.

Ясновидцы зашептались. Сколько же их всего? Не считая наших, получалось двадцать два.

Сумеют ли они адаптироваться к нормальной жизни после всего того скотства, что творили рефаиты? Лишь единицы помнят цитадель, а в бандах их давно и благополучно забыли.

Отогнав мрачные мысли, я опустила на корточки рядом с Майклом, сидящим чуть поодаль от товарищей. Милый, добрейший Майкл – второй человек, кого Страж взял под крыло.

– Майкл. – Я коснулась его плеча, и он поднял зареванное опухшее лицо. – Майкл, понимаю, тебе страшно, но я не могла бросить тебя в «Магдален».

Паренек кивнул. Немым он не был, просто предпочитал помалкивать.

– К родителям ты не вернешься, обещаю. Постараемся пристроить тебя куда-нибудь. – Я запнулась. – Если выкарабкаемся, конечно.

Майкл вытер слезы рукавом.

– Зажигалка Стража у тебя?

Он пошарил в карманах серой туники и протянул мне блестящий прямоугольник.

– Спасибо, Майкл.

В уголке одиноко скорчилась Иви, хиромантка. Ее обритая голова и впалые щеки служили наглядным доказательством безжалостной натуры рефаитов. Тубан Саргас, куратор Иви, пользовался ею как грушей для битья. Подбородок у несчастной дрожал, она то и дело судорожно стискивала руки. Пожалуй, одну ее оставлять не стоит. Я уселась напротив, ужаснувшись при виде громадных синяков на изможденном теле.

– Иви?

Та едва заметно кивнула. Перепачканная желтая туника висела на ней мешком.

– В больницу нельзя, сама понимаешь. Есть на примете какое-нибудь убежище? Шайка, которая о тебе позаботится?

– Нет, – прошелестело в ответ. – Я просто побирושка из Камден-Тауна, но туда мне возвращаться нельзя.

– Почему?

Она только помотала головой. Камден находился в Четвертом секторе Второй когорты, где обитала основная масса ясновидцев. Оживленный торговый район, расположенный вплотную к каналу Гранд-Юнион.

Я положила зажигалку на полированную столешницу и уставилась на свои ногти с полумесяцами застарелой грязи.

– Неужели нет никого, кому ты можешь довериться?

Больше всего на свете хотелось предложить ей надежное укрытие, но Джексон вряд ли позволит привести в логово посторонних, особенно с учетом моего нежелания плясать под его дудку. Долго эти бедолаги на улице не протянут.

Повисла пауза. Наконец Иви пробормотала:

– Есть. Ее зовут Агата. Работает в бутике на рынке.

– Что за бутик?

– Просто «Бутик Агаты». – Из нижней губы хиромантки сочилась кровь. – Мы давно не виделись, но она позаботится обо мне.

– Вот и замечательно. – Я встала. – Скажу, чтобы тебя проводили к ней.

Запавшие глаза девушки смотрели куда-то вдаль. От осознания, что ее куратор по-прежнему жив, у меня скрутило желудок.

Автоматические двери распахнулись, и к нам присоединилась оставшаяся пятерка. С зажигалкой в руке я шагнула навстречу.

– Это сам Белый Сборщик, – зашептались ясновидцы. – Из Четвертого сектора Первой когорты.

Джексон застыл поодаль, сжимая шпагу-трость. Его молчание действовало на нервы, но времени на игры и обиды у меня не было.

– Откуда Пейдж его знает? – послышалось в толпе. – Неужели она...

– Все готово, Странница, – проговорил Ник.

Моя кличка лишь подтвердила их догадки. Я всеми фибрами сосредоточилась на эфире. В тот же миг вокруг растревоженным пчелиным роем закружилось множество лабиринтов. Мы были точно под Лондоном.

– Давай. – Я бросила Нику зажигалку. – Окажи любезность.

Он откинул крышку и поднес огонек пламени к стене. Пожарная сигнализация мгновенно вспыхнула красным.

– Внимание, пожарная тревога! – разнесся по составу голос Скарлет Берниш. – Возгорание в последнем вагоне. Экстренная блокировка дверей.

Створки как по команде захлопнулись. Глухо скрипнули тормоза – поезд замедлил ход.

– Просьба пассажирам перейти в головной отсек и сохранять спокойствие. К вам направлена бригада спасателей. Просьба не эвакуироваться самостоятельно. Просьба не открывать окна и двери. В случае нехватки воздуха отрегулируйте систему вентиляции.

– Надолго их не обманешь, – констатировала Даника. – Если датчики дыма не сработают, поезд снова тронется.

Хвостовая часть заканчивалась небольшой площадкой, отгороженной перилами. Оседлав поручни, я повернулась к Зику:

– Брось фонарик, – и посветила назад, на пути. – Вдоль рельс места предостаточно. Можно перевести стрелки, Фурия?

Кличка вырвалась сама собой. Умение быстро переключаться было главным принципом выживания в Синдикате.

– Нет, – ответила Даника. – И потом, велика вероятность, что мы просто-напросто задохнемся в туннеле.

– Ясно. – Не сводя глаз с контактного рельса, я спрыгнула на щебень. Зик помогал спускаться остальным ясновидцам.

Всей толпой мы устремились вперед, старательно обходя рельсы и шпалы. Мои потемневшие от грязи сапоги шуршали по насыпи. Огромный выстуженный туннель утопал во мраке, местами озаряемом сигнальными маячками. В арсенале у нас имелось пять фонариков, один – с почти севшими батарейками. Дыхание эхом отдавалось у меня в ушах, руки покрылись гусиной кожей. Спустя десять минут рельсы завибрировали, и мы разом припали к стене. Мимо, по направлению к архонту, промчался опустевший поезд – тот, что вывез нас из тюрьмы.

Когда впереди возник стрелочный указатель с горящим зеленым огоньком, мои колени уже подгибались от усталости.

– Фурия, что это означает? – кивнула я на зеленый свет.

– Что впереди путь свободен, а поезд запрограммирован свернуть на второй развилке направо, – ответила Даника.

Левый поворот был перекрыт.

– Получается, нам сворачивать на первом?

– Да вроде выбора нет.

За поворотом туннель заметно расширился. Мы припустили трусцой, Ник тащил на себе Иви. Поразительно, как в таком состоянии она вообще ухитрилась добраться до поезда.

Проход освещали тускловатые белые лампочки. Привинченная к шпалам грязная табличка сообщала: «ВЕСТМИНСТЕР, 2500 м». На въезде в первый туннель выделялся указатель: «ТАУЭР, 800 м». Я приложила палец к губам. Если на платформе Вестминстера нас поджидал спецотряд, они уже встретили пустой поезд и теперь наверняка шныряют во мраке.

Вдоль рельс прошмыгнула тощая крыса. Майкл испуганно отпрянул, а Надин, напротив, посветила вслед фонариком.

– Интересно, чем они тут питаются?

Долго гадать, увы, не пришлось. Чем дальше, тем многочисленнее стаи крыс. В тишине отчетливо раздавался скрип острых зубов. Рука Зика дрогнула, когда луч упал на обглоданный труп. Лохмотья выдавали арлекина, а по грудной клетке не раз успел прокатиться поезд.

– Напоролся на контактный рельс, – мрачно констатировал Ник. – Пошел без фонаря, и вот результат.

Какой-то ясновидец покачал головой:

– И как ему удалось преодолеть такое расстояние в одиночку?

Кто-то приглушенно всхлипнул. Бедняга-арлекин сумел сбежать из тюрьмы и совсем чуть-чуть не добрался до дома.

Наконец во мраке высветилась платформа. Перешагнув через рельсы, я вскарабкалась на нее и подняла повыше фонарь. Одинокий луч прорезал тьму, озарил белые каменные стены, сифон для санобработки и груды сложенных каталок – словом, все в точности как в пункте отправления. От паров перекиси водорода слезились глаза. Неужели люди всерьез думают, что могут подхватить от нас заразу? И, погрузив очередную партию на поезд, дезинфицируют руки, чтобы не занедужить ясновидением? Я буквально увидела саму себя, одурманенную, привязанную к каталке, а вокруг суетятся врачи в белых халатах.

Охраны поблизости не наблюдалось. Мы тщательно осветили каждый угол. К стене был привинчен огромный знак: красный бриллиант, расколотый надвое синим долотом. Поверх белым шла надпись:

ЛОНДОНСКИЙ ТАУЭР

И без карты ясно, что официально такой станции не существует.

Под знаком виднелась крохотная табличка. Наклонившись, я сдула пыль с выбитых букв и прочла: «Линия „Пентад“». Судя по схеме, под цитаделью находилось пять секретных станций. Надпись гласила, что их построили при возведении «Метрополитен рейлвей» – это старое название лондонской подземки.

- Как мы допустили такое? – пробормотал за моей спиной Ник.
- Нашего брата годами держат в Тауэре, прежде чем отправить сюда.
- Он легонько сжал мое плечо:
- Ты помнишь, как здесь очутилась?
- Нет, меня шарахнули «флюидом».

Перед глазами вдруг замелькали точки. Полученный от Стража амарант почти восстановил мой лабиринт, но периодически слабость возвращалась, и тогда резко садилось зрение.

- Нужно поторапливаться, – заявила я, глядя, как остальные взбираются на платформу.

Выходов было два: просторный лифт, куда запросто помещалось несколько каталок, и тяжелая металлическая дверь с надписью «Пожарная лестница». Ник распахнул массивную створку.

- Дальше по ступенькам, – резюмировал он. – Кто-нибудь вообще ориентируется в Тауэре?

Лично для меня единственным ориентиром была Белая башня, мозговой центр гигантской тюрьмы, возглавляемый бойцами элитного подразделения «Щит». В Синдикате их называли «вóронами»: одетые в черное безжалостные легионеры с неиссякаемым набором пыток.

- Я ориентируюсь, – откликнулась Нелл. – Немного.
- Как тебя зовут? – просил Ник.
- Девятая. То есть Нелл.

В маске и костюме она до того походила на мою подругу Лисс, что различить их не мог даже надсмотрщик: те же темные выющиеся локоны, хрупкая фигурка, вот только черты лица у Нелл были жестче. И глаза – не маленькие и темные, как у Лисс, а голубые озера, особенно выделявшиеся на фоне оливковой кожи.

Голос Ника потеплел:

- Расскажи, что знаешь.
- Это было десять лет назад, с тех пор многое могло измениться, – возразила девушка.
- Все же лучше, чем ничего.
- Тогда к некоторым не стали применять «флюид», – покорно начала Нелл. – Я притворилась, что потеряла сознание. Если лестница выведет к лифту, мы окажемся у Ворот Предателей. Только они наверняка заперты.

– Замки не проблема. – Надин вытащила кожаный мешочек с отмычками. – И вóроны тоже, если решат затеять драку.

- Не выпендривайся, не на поле боя, – осадил ее Ник, косясь на низкие своды. – Пейдж, сколько нас?
- Двадцать восемь, – рапортовала я.
- Хорошо, выдвигаемся малыми группами. Мы с Нелл первые. Сборщик, Бриллиант, проследите за...

- Надеюсь, ты не собираешься мне указывать, Алый Взор? – подал голос Джексон.
- В спешке я почти забыла про него. Сейчас Джекс стоит навытяжку, руки покоятся на трости, прямой и величественный, как только что зажженная свеча.
- Я только просил помочь, – выдавил после паузы Ник.
- Предпочитаю подождать тут, пока вы будете разбираться, – фыркнул Джексон. – Если тебе, конечно, не слабо самому запачкать руки, выдергивая оперенье у воронов.
- Не слабо, – буркнул Ник, стараясь, чтобы Джекс не услышал.
- Я присмотрю за ними, – вклинился Зик, прежде хранивший молчание.

Он зажимал рану на плече, вторая кисть была стиснута в кулак.

- Ник сглотнул и сделал знак Нелл:
- Веди нас.

Оставив бывших узников на платформе, мы втроем стали подниматься по крутым ступеням винтовой лестницы. Нелл двигалась на редкость проворно, я с трудом поспевала за ней. Ноги сводило от быстрой ходьбы. Наши шаги громким эхом отдавались от стен. Ник вдруг споткнулся, но Надин живо ухватила его за локоть.

Наверху Нелл остановилась и чуть приоткрыла новую дверь. В щель ворвался пронзительный вой тревожной сирены. Если наше отсутствие обнаружено, то вычислить местонахождение – лишь вопрос времени.

– Все чисто, – шепнула Нелл.

Я вынула из рюкзака нож. Стрельба только привлечет воронов. У меня за спиной Ник достал из кармана серую трубку и набрал номер.

– Давай, Элиза, – пробормотал он. – *Jävla telefon!*..¹

– Просто пошли ей картинку, – посоветовала я.

– Уже. Но надо уточнить, когда Элиза появится.

Как и предсказывала Нелл, лестница вела к неработающему лифту. Справа возвышалась стена, сложенная из огромных кирпичей на цементном растворе, а слева под крошащейся каменной аркой виднелись Ворота Предателей: мрачная темная постройка с кованой решеткой, во времена монархии служившая входом. Мы стояли слишком низко, чтобы попасться на глаза охране. За Воротами тянулись поросшие лишайником ступени и узкий пандус, предназначенный для каталок.

Луна освещала видимый отсюда кусочек Белой башни. Высокая стена между ней и Воротами могла послужить нам неплохим укрытием. Из бойницы бил луч мощного прожектора. Сирены снова завывали – громко и монотонно. Так Сайен сигнализировал о первой степени нарушения безопасности.

– Там живут охранники, – кивнула Нелл на башню. – А ясновидцев держат в Кровавой.

– Куда ведут ступени? – шепотом осведомилась я.

– Вглубь Тауэра. Нам лучше поспешить.

Внезапно на тропе, прямо напротив Ворот, появился отряд воронов. Мы прижались к стене. На лбу у Ника выступил пот. Если решат, что ворота заперты, может, и пронесет.

Удача была на нашей стороне. Вороны прошествовали мимо. Я отлепилась от стены, чувствуя, как дрожат руки. Нелл сползла на землю, вполголоса осыпая стражников проклятиями.

Вой первой сирены вскоре подхватили другие. Я попыталась открыть Ворота, но безуспешно. Мешал замок. Видя мои тщетные усилия, Надин протиснулась вперед и сняла с пояса миниатюрную отвертку. Сунула ее в основание замка, а сверху втиснула серебряную отмычку.

– Придется повозиться. – За шумом слов было практически не разобрать. – Механизм заржавел.

– Некогда возиться!

– Приведите пока остальных, – скомандовала Надин, не отрывая глаз от замка. – Нам нужно держаться вместе.

Тем временем Ник зашептал в трубку:

– Алло? Муза? – Быстро переговорив с Элизой, он повернулся ко мне. – Она скоро будет. И заодно pošлет на подмогу сапоги-сороходы Джека-Пружинки-на-Пятках.

– Как скоро?

– Минут через десять. Сороходы прискачут раньше.

Десять минут – это очень долго.

Луч прожектора шарил по главной башне. Нелл отпрянула, шурясь от яркого света, а после забила в угол и, обхватив себя руками, задышала через нос. Я обшаривала стены, проверяя каждый кирпич. Если вороны патрулируют весь комплекс, они не замедлят вернуться.

¹ Чертов телефон! (шв.)

Нужно успеть открыть Ворота, вывести пленников и снова навесить замок. Я сунула пальцы между створками лифта в надежде их распахнуть, но увы.

Надин уже орудовала второй отмычкой. Работая под неудобным углом, едва дотягиваясь до замка, ее руки двигались на удивление проворно. На лестнице показался Зик. За его спиной испуганно сгрудились недавние узники. Я сделала ему знак оставаться на месте.

Наконец засов отворился. На пару с Надин мы сняли тяжелую цепь, стараясь, чтобы та не звенела, и распахнули Ворота Предателей. Решетка зашуршала о гравий, петли громко заскрипели, но эти звуки потонули в вое сирены. Нелл бросилась вверх по ступеням и поманила нас за собой.

– Они перекроют все выходы, – шепнула она, едва я приблизилась. – Ворота – единственное слабое звено. Придется лезть на южную стену.

Лазанье. Мой конек.

– Взор, приведи остальных, – распорядилась я. – Пусть готовятся бежать.

Я крадучись взбиралась по лестнице, крепко сжимая револьвер. Ступени упирались в башни по бокам арки. Один прыжок – и окажемся меж двух зубцов на примыкающей стене, которая на поверку была много ниже, чем чудилось на первый взгляд. Сайен явно не рассчитывал, что ясновидцы заберутся так далеко, даже если им посчастливится сбежать из Кровавой башни. Я жестом велела Нику собрать народ и пулей преодолела следующий пролет, стараясь держаться в тени. При виде открывшейся со стены панорамы у меня защемило в груди.

Вот оно!

Лондон.

Внизу простирался крутой берег Темзы. Слева – Тауэрский мост. Если наши расчеты верны, мы сможем обогнуть тюремный комплекс и выйти на главную дорогу незамеченными. Ник достал из кармана кисет и стал натирать ладони мелом.

– Я иду первым. Пейдж, поможешь ребятам спуститься. Элиза будет ждать на дороге.

Я шарила глазами по мосту, выискивая снайперов. Вроде никого, но в эфире четко обозначились три лабиринта.

Ник протиснулся между зубцами и, ухватившись за них, повернулся лицом к стене. Ноги заскользили по крошащимся камням в поисках опоры.

– Осторожно, – предупредила я, что было совершенно излишне: Ник лазил лучше, чем ходил. Улыбнувшись мне, он преодолел оставшиеся несколько футов и бесшумно приземлился на четыре точки.

Стена между нами странным образом действовала мне на нервы.

Настал черед спускаться узникам. Майкл и Нелл поддерживали беспомощную Иви. Приобняв девушку, я помогла ей взобраться на стену.

– Сюда. – Потом закутала ее в плащ Ника, а сама осталась в белом платье, успевшем превратиться в лохмотья. – Давай руку.

Вдвоем с Майклом мы переправили Иви вниз. Ник подхватил ее невесомое тело и уложил на траву.

– Майкл, приведи раненых. Живо! – властно распорядилась я. Парнишка тут же бросился помогать хромающему Феликсу.

Один за другим через стену переправились Элла, Лотта, трясущийся хрустальщик, прорицатель со сломанным запястьем. Все сбились в кучу под надежной охраной Ника и его револьвера. Я уже протянула руку Майклу, но его бесцеремонно оттолкнул Джексон. Грациозно вскарабкавшись на стену, он перебросил вниз трость и, склонившись к моему уху, прошептал:

– Даю тебе последний шанс, милочка. Возвращайся в Севен-Дайлс, и я прошу твою наглость в Первом Шиоле. – С этими словами он плавно заскользил по стене.

Я обернулась к Майклу. Из рассеченной щеки на рубашку лилась кровь.

– Смелей, – подбадривала я, крепко ухватив его за запястья. – Главное, не смотри вниз. Тот перекинул ногу через стену, до синяков стискивая мои руки.

Нелл вдруг пронзительно вскрикнула. На штанине ее брюк расплывалось алое пятно. Акробатка в ужасе уставилась на меня.

– Все вниз! Быстро! – заорала я, силясь перекричать вой сирен.

Подчиниться никто не успел: на тех, кто толпился у лестницы, обрушился град пуль.

Изрешеченные дробью тела валялись на землю, корчась в мучительных конвульсиях. Раздался истошный вопль. Ладони Майкла выскользнули у меня из рук. Я спряталась за балюстрадой, прикрывая голову.

Это был бой на уничтожение: стреляй в каждого, кто попадется.

Снизу Ник иступленно звал меня по имени, но страх не давал мне двинуться с места. Мое восприятие сузилось до лихорадочного биения сердца, учащенного дыхания и отдаленных звуков пальбы. Сильные руки обхватили меня, перебросили через стену, и я полетела вниз.

Подошвы моих сапог гулко стукнулись о землю, ударная волна накрыла меня до пояса, и я ткнулась носом в пыль. Рядом с приглушенным стоном приземлилась субтильная фигурка. Нелл! Стиснув зубы от боли, она с трудом поднялась и заковыляла прочь что есть мочи. Я поползла следом. Ник кинулся меня поднимать, но встретил неожиданный отпор.

– Надо им по...

– Пейдж, нет времени!

Надин перескочила через стену, еще двое никак не могли пробраться к зубцам. Очередной залп из Белого Тауэра – и беглецы бросились врассыпную. Даника и Зик зависли в прыжке – два силуэта в лунном свете.

Мое чутье уловило снайпершу на верхотуре. Выстрел – и юная невидица рухнула со стены; после падения череп развалился надвое, как гнилой фрукт. Майкл едва не споткнулся о несчастную. Снайпер тут же взяла его на мушку.

Внутри у меня вспыхнуло пламя. Высвободившись, я из последних сил протаранила своим фантомом лабиринт снайперши, отправив ее дух далеко в эфир, а тело – переваливаясь через балюстраду. Когда бездушный труп рухнул на землю, Майкл уже во весь опор мчался вдоль берега. Напрасно я звала его – бывший слуга стремительно исчез во тьме.

Мои ноги неслись вперед, обгоняя мысли. Трещины в лабиринте увеличивались подобно свежим ранам.

До дороги оставалось совсем чуть-чуть. На обочине ярким светом сияли фонари. За спиной по-прежнему гроыхали выстрелы. Их перекрыл рев мотора. Сверкнули голубоватые фары. Кожаный салон. Новый залп. Короткий пронзительный вопль. Поворот на мост. И мы растворились в цитадели, словно тень во мраке; только сирены надрывались нам вслед.

2

Долгая история

Как обычно, она появилась ровно в шесть утра.

Моя рука машинально схватила со столика револьвер.

Играла заставка «Ока Сайена» – мелодичная композиция на основе двенадцати мотивов Биг-Бена.

Я ждала.

И тут возникла она. Скарлет Берниш. Верховная вещательница в черном платье с белым кружевным воротником. Бесстрастное, как у робота, лицо не выражает никаких эмоций; лишь когда передавали об «убийстве» или «нападении» паранормалов на мирных граждан, ей удавалось изобразить нечто вроде скорби. Правда, сегодня вещательница улыбалась.

– Доброе утро, граждане Сайена! Сразу к хорошим новостям. Накануне гильдия легионеров сообщила об увеличении дневного карательного отряда. По меньшей мере пятьдесят офицеров примут присягу в этот понедельник. Как заявил глава легионеров, грядущий год принесет цитадели новые испытания. В свете обострившейся обстановки жителям Лондона необходимо сплотиться и...

Я выключила программу.

Никакого экстренного репортажа. Ни фотографий преступников, ни сцен казни.

Револьвер полетел обратно на столик. Всю ночь я пролежала без сна, вздрагивая от малейшего шороха. Все мышцы затекли, встать удалось с трудом. Едва одна боль ослабевала, на смену ей приходила новая, вызванная очередным синяком или перенапряжением. Вместо того чтобы вернуться в постель, тянуло пройти. Чутьочку естественного света мне не повредит.

Вытянув ноги, я включила стоящий в углу музыкальный центр. Из динамиков полилась песня Билли Холидей «Guilty». По пути на работу Ник закинул мне парочку контрабандных дисков, немного денег – все, что сумел скопить – и связку книг, к которым я даже не притронулась. Меня одолевала странная тоска по проигрывателю Стража. Со временем привыкаешь засыпать под любовные баллады свободного мира.

С момента побега минуло уже три дня. Моим новым домом стала затрапезная ночлежка где-то на задворках I-4 в Сохо. Большинство ясновидцев обитали в жутких Трущобах, мало пригодных для жизни. Стараниями домовладельца-клидоманта, занявшегося арендой с единственной целью – разжиться ключами для своих ритуалов, в моей лачуге не было грызунов, но в остальном дыра, конечно, адская. Он понятия не имел, кто я. Знал только, что мне необходимо убежище после стычки с легионером, который изрядно меня покалечил, а теперь разыскивает по всему городу.

Пока не решился вопрос с Джексонем, мне придется кочевать из ночлежки в ночлежку с регулярностью раз в неделю. Денег на это улетает уйма, а дотации Ника едва покрывают расходы, но иначе от Сайена не спрячешься.

Опущенные жалюзи не пропускали в комнату ни единого лучика света. Я приоткрыла их самую малость и с непривычки чуть не ослепла от яркого солнца. По узкой улочке спешили куда-то два невидца. На углу гадатель высматривал паранормальных клиентов или, на худой конец, невидцев. Иногда те оказывались любопытными бездельниками, а иногда – шпионами. Агенты-провокаторы Сайена давно наводнили улицы, помогая рассекречивать нашу братию.

Я снова опустила жалюзи, и комната погрузилась во мрак. За полгода куратор-рефаит приучил меня не спать по ночам. Чтобы вернуться к прежнему режиму, необходимо время, и немалое. Я плюхнулась на кушетку, сунула в рот две голубые таблетки снотворного и запила водой.

Мой лабиринт восстанавливался медленно. После схватки на сцене, когда меня пытались убить на глазах сайенских эмиссаров, падшие ангелы Наширы оставили в моем сознании трещины, откуда с пугающим постоянством всплывали воспоминания. Мрачная часовня, где погиб Себ. Покой в «Магдален». Грязные извилистые Трущобы, спиритическая комната Бабая и мое собственное лицо – изуродованное до неузнаваемости, вырванная челюсть рассыпается на части, словно глиняная плошка.

И Лисс – ее рот плотно зашит золотой нитью, тело отдано на растерзание эмитам – монстрам, притаившимся в лесах вокруг колонии. Следом возникли семь окровавленных карт. Я потянулась открыть последнюю – свое будущее, итог, но от моего прикосновения прямоугольник занялся огнем. Я вздрогнула и проснулась, дрожа с головы до ног. Влажные щеки пылали, на губах остался солоноватый привкус.

Эти семь карт не давали мне покоя. Предсказывая мое будущее, Лисс успела прочесть первые шесть: Пятерку Кубков, перевернутого Короля Жезлов, Дьявола, Любовников, перевернутую Смерть и Восьмерку Мечей. Увы, завершить гадание подруге не удалось.

Я заковыляла в ванную, где проглотила пару обезболивающих. Таблетками меня снабдил Ник. Подозреваю, что большая серая была успокоительным, чтобы снять судороги и привычку хвататься за револьвер каждые пять минут.

В дверь тихо постучали. Проверив барабан, я чуть приоткрыла створку. На пороге, при полном параде, стоял домовладелец со старинным ключом на шее.

– Доброе утро, мисс.

– Лем, ты когда-нибудь спишь? – вымученно улыбнулась я.

– Очень редко. Постояльцы ведь всегда бодрствуют. Сейчас наверху сеанс, – устало добавил он. – Стол гроыхает на весь дом. Кстати, выглядите сегодня неплохо.

– Спасибо. Мой друг не звонил?

– Он навестит вас в девять вечера. Если будут пожелания, не стесняйтесь.

– Непременно. Хорошего дня.

– Вам тоже, мисс.

Для владельца ночлежки Лем был подозрительно любезен.

Я плотно затворила дверь и щелкнула замком.

Револьвер выпал из руки, ноги подкосились, и я осела на пол, уткнувшись лбом в колени.

Через пару минут поднялась и направилась в крохотную душную ванную, сняла сорочку и принялась изучать свои раны в зеркале. Особенно выделялись глубокий, с наложенными швами, порез над глазом и длинная царапина на щеке. Вся я какая-то изможденная, поникшая. Ногти расслаиваются, кожа потускнела, ребра выпирают. В нашу первую встречу домовладелец опасно покосился на мои израненные руки и подбитый глаз. Разумеется, он не узнал во мне Бледную Странницу, подельницу и протезе Белого Сборщика.

Шагнув в кабинку, я включила душ и блаженно зажмурилась. Горячая вода хлынула на плечи, расслабляя мышцы.

Хлопнула дверь.

Моя рука схватила спрятанный под мыльницей нож. Я одним прыжком перемахнула из кабинки к противоположной стене и затаилась, прижимая лезвие к груди. В ушах бешено стучал адреналин.

Лишь спустя пару минут пульс пришел в норму, и мне удалось отлепиться от мокрого кафеля, по которому стекала вода пополам с потом. Ничего страшного, абсолютно ничего. Просто гроыхает стол на спиритическом сеансе.

Вся дрожа, я оперлась о раковину. Влажные волосы кудельками падали на бледное, нездоровое лицо. В зеркале отразилось мое тело, прошедшее все круги ада в колонии, избитое и истерзанное рефайтами и «алыми». Отвернувшись, я нащупала отметину на плече. XX-59-40. Этот шрам останется до конца жизни.

Но мне повезло, думала я, натягивая рубашку. Я выжила, и Саргасы об этом знают.

Впервые за два дня Ник переступил порог комнаты и осторожно обнял меня, памятуя о ноющих синяках и ссадинах. Сколько раз я видела его в воспоминаниях, вызванных нумами Стража, но те образы не могли сравниться с настоящим Ником Найгардом.

– Привет, sōtnos.

– Привет.

Мы улыбнулись друг другу безрадостной улыбкой.

И замолчали. Ник принялся накрывать на стол, я распахнула дверь на крохотный балкончик. С улицы в комнату ворвался запах сайенской осени – смесь паров бензина и смрада от костров балаганщиков, но божественный аромат из коробочек с едой заставлял забыть о вони. Это был настоящий пир: горячие пирожки с курицей и бужениной, свежий хлеб, жареная картошка, щедро сдобренная солью и перцем. Ник протянул мне витаминку и добавил:

– Угощайся. Только не спеши.

Пирожки были с хрустящей корочкой, сочные. Я покорно сунула капсулу под язык.

– Как рука? – Ник внимательно исследовал круглый ожог. – Не болит?

– Уже нет. – Боль стоила того, чтобы избавиться от микрочипа.

– Не запускай это дело, – посоветовал Ник. – Дани, конечно, молодец, но она не врач. – Он пощупал мой лоб. – Мигрени не мучают?

– Да так... – Я принялась отщипывать кусочки от булки. – В «Оке Сайена» по-прежнему тишина.

– Молчат до поры до времени.

Мы тоже замолчали. Синяки у него под глазами выдавали бессонные ночи. Ночи, полные тревог и мучительного ожидания. Обхватив ладонями чашку с кофе, я уставилась на цитадель, на зловещую махину из металла, стекла и света, простиравшуюся в бесконечность. В ее недрах остался Майкл. Где он сейчас? Спит под мостом или на чужом пороге? Правда, если наскреести немного денег, можно переночевать в перевалке. Одна беда – легионеры проверяют такие заведения каждую ночь, дабы выполнить план по арестам и со спокойной душой вернуться в участок.

– Это тебе. – Ник вручил трубку, похожую на ту, что мой друг использовал в Тауэре. – Деньги на счету уже лежат. Плюс система автоматически меняет модуль идентификации, поэтому отследить звонок практически невозможно.

– Где достал? – Импортная штучка, в Сайене таких не делают.

– У меня есть приятель на блошином рынке Спиталфилдс. Телефоны положено выбрасывать, но спекулянты неплохо зарабатывают именно на трубках. Насчет входящих звонков толку от нее мало – номер постоянно меняется, но для исходящих сойдет. Пригодится на крайний случай.

– Ага. – Я сунула трубку в карман. – Как дела на работе?

– Вроде неплохо. – Ник нервным жестом пригладил щетину на подбородке. – Если меня видели в том поезде...

– Не бойся, не видели.

– На мне была форма Сайена.

– Ник, послушай. Сайен – огромная организация. Шансы, что кто-нибудь свяжет респектабельного доктора Найгарда с колонией-поселением, практически равны нулю. – Я намазала хлеб маслом. – Вот не вернись ты – другое дело. Возникли бы подозрения.

– Это верно. И потом, я тут не учился, глаза никому не мозолил – короче, бог не выдаст, свинья не съест. – Заметив мою унылую физиономию, Ник вымученно улыбнулся. – О чем думаешь?

– Мы потеряли столько народу в Тауэре. – Внезапно у меня пропал аппетит. – Я ведь обещала, что привезу их домой.

– Пейдж, прекращай. С таким настроением ты себя угробишь. Это не твоя вина, а Сайена. Я не ответила.

Ник опустил на корточки рядом с моим стулом.

– Милая, посмотри на меня. Ну же, посмотри.

Наши взгляды встретились, но от этого стало лишь больше.

– Почему тогда не обвинить во всем того рефаита? Ведь это он посадил тебя на поезд, позволил сбежать. – Видя, что я по-прежнему молчу, Ник обнял меня за плечи. – Мы разыщем остальных, обещаю.

Повисла пауза, каждый думал о своем. Ник прав, вне всяких сомнений.

Но вдруг виноват кто-то еще? Кто-то – помимо Сайена? Знал ли Страж, что поезд прибывает в Вестминстер, в самое логово зверя? Не предал ли меня в последний момент? В конце концов, это рефаит – монстр, а не человек, – но хочется верить, что исходил он из лучших побуждений.

После ужина Ник убрал со стола. Внезапно в дверь постучали. Я потянулась за револьвером, но Ник перехватил мою руку.

– Все в порядке, это свои.

Ворвавшись в комнату, мокрая от дождя Элиза Рентон даже не поздоровалась и с таким воинственным видом, словно намеревалась устроить мне взбучку, одним прыжком очутилась возле кушетки. Но вместо этого стиснула меня в объятиях.

– Пейдж, ты овца! – Ее голос звенел от гнева. – Кретинка! Какого черта тебя понесло в метро? Знала ведь и про подземщиков, и про шмоны...

– Решила рискнуть. Глупо, сама понимаю.

– Почему не подождала Ника, он бы тебя отвез! Мы уже думали, что тебя похитил Гектор... или Сайен...

– Так и было. – Я успокаивающе погладила подругу по спине. – Но теперь все в порядке. Ник осторожно оторвал от меня Элизу.

– Поаккуратнее, – предупредил он, уводя ее к соседней кушетке. – У нашей путешественницы синяк на синяке. – Он повернулся ко мне. – Я подумал, Элизе стоит знать. Союзники нам не помешают.

– У вас есть союзники! – отрезала та. – Джекс беспокоится о тебе, Пейдж.

– Ага, так беспокоится, что чуть не придушил, – фыркнула я.

Элиза обвела нас изумленным взглядом и нахмурилась.

Я задернула шторы. Мы молча сидели в полумраке. Ник вынул фляжку и разлил по бокалам салеп – весьма популярный в кофейнях напиток из молока, молотого корня орхидеи и корицы. Его сливочный вкус казался божественным после стольких месяцев голода.

По телевизору шло короткое включение со Скарлет Берниш.

– Через несколько недель планируется увеличить число легионеров в Первой когорте. К началу декабря в секторе установят прототип сканера «Экстрасенс», единственный в своем роде прибор для обнаружения паранормалов. Граждане Лондона должны подготовиться к регулярным проверкам в метро, автобусах и легализованных машинах такси. Подземщики просят местных жителей оказывать максимальное содействие во время карательных рейдов. Если ваша совесть чиста, бояться нечего. А теперь к прогнозу погоды...

– Больше легионеров. К чему бы? – удивился Ник.

– Разыскивать беглецов, – пожала я плечами. – Не пойму только почему.

– Может, дело не в этом, – возразила Элиза. – Не забывайте, через два месяца Ноябрьфест. К празднику всегда усиливают охрану. Тем более в этом году наши ждут верховного инквизитора Франции.

– На двухсотлетнем юбилее присутствовал Алоис Миннэ, помощник инквизитора Менара. Если Миннэ погиб, верховному будет не до веселья.

– Праздник все равно не отменят.

– Если Нашира прикажет, отменят еще как.

– Нашира? Кто это?

Такой простой вопрос, и так трудно подыскать ответ. Кто это, Нашира? Чудовище. Монстр. Убийца.

– С «Экстрасенсом» нам не поздоровится, – пробормотала я, глядя на экран. – Надеюсь, Потусторонний совет уже принял меры?

Совет состоял из тридцати шести главарей и королев мимов, царящих в цитадели, задачей которых было поддерживать порядок в подведомственном секторе. Действовали главари независимо, но по настоянию темного владыки Сенного Гектора регулярно собирались на совещания.

– В июле поднимали эту тему, – откликнулся Ник. – Граб-стрит объявила, что знает о ситуации, но с тех пор оттуда нет вестей.

И тут меня осенило.

– Гектор просто не знает, что предпринять. Никто не знает.

– «Экстрасенс» – еще не самое страшное. По секретным каналам шепнули, что сканер различает лишь первые три касты.

От этих слов Элиза поежилась. Из нас всех именно она попадала под удар. Медиум. Третья каста.

Ник успокаивающе взял ее за руку:

– Не переживай. Дани сейчас разрабатывает генератор помех, блокирующий «Экстрасенса». Процесс затяжной, но наша умелица справится.

Элиза кивнула, но продолжала озабоченно хмуриться.

– К февралю закончит наверняка.

Обещание нисколько не обнадеживало – до февраля еще ждать и ждать.

– Как вы вообще добрались до колонии? – сменила я тему. – Она же засекречена от и до.

– К августу Джекс совсем было отчаялся, – признался Ник. – Ты как сквозь землю провалилась: в Лондоне тебя нет, требований о выкупе от других банд не поступало, трупы не обнаружили, в квартире отца ты не появлялась. Та стычка на Трафальгарской площади и твои слова про Оксфорд стали первой зацепкой.

– С тех пор Джексон забросил все дела, – многозначительно добавила Элиза. – Думал лишь о том, как тебя вытащить.

Такой поворот меня отчасти удивил. Понятно, что Джексон взбесился: у него из-под носа увели драгоценную странницу. Как-никак, главарю мимов бросили вызов, унизили. Поражала его самоотверженность, готовность рискнуть всем, только бы спасти меня, вырвать из лап Сайена. Такие жертвы требуют человеческого, никак не собственнического отношения.

– На службе я пытался разузнать что-нибудь про Оксфорд, – продолжал Ник, – но вся информация оказалась зашифрованной. Лишь спустя пару недель удалось пробраться в кабинет начальницы и пошуровать в ее компьютере. Сразу всплыла таинственная сайенская сеть с ограниченным доступом. Правда, информации набралось мало. Только то, что Оксфорд – это закрытая зона категории А, уже не новость. И что под архонтом находится подземная станция. Вот это нас насторожило. Еще там был список имен чуть ли не с момента Сотворения мира. Как позже выяснилось, это список пропавших людей. И ты значилась в самом конце.

– Дани принялась за дело, – подхватила Элиза. – Сперва нашла туннель. Пускали туда лишь горстку проверенных инженеров, но она разузнала, как можно попасть внутрь. На тридцать первое августа назначили ремонт состава. И Джекс велел всем выдвигаться. Меня оставили дома на подстраховке.

– Не в правилах Джекса самому марать руки, – нахмурилась я.

– Ты дорога ему, Пейдж, – горячо возразила Элиза. – Ради нас он готов на многое. А ради тебя – на все.

Как бы не так! Элиза всегда принимала сторону Джексона Холла, что неудивительно, ведь он защищал нас от внешнего мира. Но недавние события заставили меня усомниться в его непогрешимости. Да, Джекс способен на красивые поступки, но добрым его не назовешь. То же самое с показной заботой. Мне потребовались годы, чтобы очнуться и узреть истину.

– Той ночью, когда отремонтированный состав спустили на рельсы, – рассказывал Ник, – Дани проникла в туннель по пропуску, который украла у инженеров. А после впустила нас.

– И вас не остановили?

– Просто не увидели. Когда в поезд сажали эмиссаров, мы уже спрятались в техническом отсеке. Легионеры туда не вхожи, поэтому сама поездка прошла спокойно. Выбраться незамеченными – вот что было проблемой.

– Но ведь эмиссаров сопровождали зрячие легионеры! – воскликнула я. – Мимо них и муха не проскочит.

– Мы затаились, пока не выпустили эмиссаров, – объяснил Ник. – Правда, охранник запер дверь с той стороны, но нам удалось найти заброшенный туннель за решеткой. По нему выбрались на улицу, оттуда – через заднюю дверь в «Гилдхолл».

Заброшенный туннель! Если Страж знал о его существовании, есть шанс, что мой куратор сейчас жив-здоров.

– Вы точно рехнулись! – вырвалось у меня.

– Мы должны были спасти тебя! – отчеканила Элиза. – Джекс настроился решительно.

– Джекс не такой дурак. Всей шайкой сунуться в Сайенский поезд без страховочной сетки – в высшей степени глупость.

– Может, ему просто надоело просиживать штаны в кабинете.

– Главное, ты снова с нами, Пейдж. – Ник подался вперед. – Теперь твоя очередь.

Я уставилась в бокал с салепом:

– Это долгая история.

– Начни с той ночи, когда тебя похитили, – подсказала Элиза.

– Началось все намного раньше. В далеком тысяча восемьсот пятьдесят девятом году.

Они выразительно переглянулись.

Рассказ и впрямь затянулся. Я обстоятельно поведала, как в 1859-м на землю из загробного мира – перевалочного пункта между жизнью и смертью – явились рефаиты и эмиты. Случилось это, когда под напором множества неприкаянных душ размылись границы между мирами и рухнул эфирный порог.

– Ладно, – кивнула Элиза с таким видом, словно боялась расхохотаться. – И кто такие эти рефаиты?

– Если честно, сама до сих пор не поняла. Внешне очень похожи на людей, только кожа с металлическим отливом. А еще они высокие, настоящие гиганты. Глаза у них желтые, но когда рефаит... ест, радужная оболочка меняется под цвет поглощаемой ауры.

– А эмиты?

Слова нашлись не сразу.

– Наверняка не скажу – они появляются лишь в полной темноте, ничего не разглядишь, но... – Мою речь прервал судорожный вздох. – В колонии их называли жужунами или гниющими великанами. Духи не приближаются к ним даже на пушечный выстрел. Питаются твари человеческой плотью.

Ник, и без того бледный как полотно, ухитрился побелеть еще сильнее.

Я рассказала про договор между рефаитами и правительством: пришельцы гарантируют защиту от эмитов, а взамен получают рабов-ясновидцев, – и про то, как этот самый договор

положил начало становлению Сайена. Рассказала про колонию-поселение Шиол I, возведенную на руинах Оксфорда, чтобы маяком приманивать эмитов, отвлекая внимание от цитаделей. Повела о том, как села в поезд и нарвалась на двух подземщиков. Как меня выследили у отца и подстрелили «флюидом». Как очнулась уже в КПЗ.

Рассказала, как меня отдали Арктуру Мезартиму, по прозвищу Страж, – возлюбленному Наширы, чтобы тот сделал из меня тренированного бойца. Объяснила систему, сложившуюся в колонии, и описала каждую касту. Сообщила об элитном отряде «алых», заслуживших расположение рефаитов своей отвагой и преданностью; об арлекинах – источниках ауры, прозябающих в трущобах; о страшной участи невидцев, об их рабском труде, неизбежно изнуряющем до смерти. Рассказала, как рефаиты избивали и подпитывались от тех, кто провалил испытания.

Салеп в бокалах давно остыл.

Не умолчала я и том, как за смерть Себа меня удостоили нового ранга. Как тренировалась со Стражем на лугу. Рассказала про оленя и жужуна в лесу, про Джулиана и Лисс. Про нашу попытку пленить Антуанет Картер на Трафальгарской площади, в результате которой меня ранил Ник.

Горло уже саднило, но я довела повествование до конца, не коснувшись лишь своих взаимоотношений со Стражем. Просто не рискнула, видя неприкрытое отвращение на лицах друзей при всяком упоминании о рефаитах. Умолчала и о воспоминаниях под действием шалфея, о музыке в часовне и о «прогулке» по лабиринту Стража. По моим скудным описаниям выходило, что Арктур – замкнутое, молчаливое существо, с которым мы не обменялись и парой слов и которое помогло мне сбежать. Разумеется, Ник сразу уловил нестыковки в моей истории.

– Не понимаю! – воскликнул он. – Тогда на Трафальгарской площади этот Страж мог отпустить тебя, но не сделал этого, а вернул в Шиол. Теперь ты утверждаешь, что он тебе помогал?

– Ну да, чтобы я помогла ему. Он пытался свергнуть Саргасов в две тысячи тридцать девятом. Нашира раскрыла заговор и подвергла зачинщика жестоким истязаниям.

– А после решила выйти за него замуж?!

– Не факт, что после. Вполне возможно, они обручились намного раньше.

Элиза скорчила гримаску:

– Как романтично! – Сейчас она лежала на боку, закинув босые ноги на подушки. – Разве предательство не повод аннулировать брачный контракт?

– Думаю, Нашира сочла грядущий брак лучшим наказанием для изменника. Она ведь знала, что Страж ее ненавидит. Представляете, какая для него была пытка оставаться в статусе жениха, презираемом всеми рефаитами?

– Почему она просто не убила и его, и сообщников? Зачем сохранила им жизнь? – недоумевала Элиза.

– Вероятно, смерть для них – не самое страшное, – предположил Ник. – Они ведь не простые смертные.

– Верно. А у простых смертных есть более важные заботы. – Я кивнула на экран. – Страж – это дело прошлое.

«Лгунья», – раздался у меня в ушах голос Арктура. Настолько осязаемый, что дрожь пробежала по рукам до кончиков пальцев.

– Считаешь, уговор с рефаитами по-прежнему в силе? – спросил Ник. – Мы ведь вторглись в колонию, значит их тайна в опасности.

– Похоже на то, – вздохнула я и ткнула в телевизор. – Сомневаюсь, что повышенные меры безопасности как-то связаны с Ноябрьфестом. Перво-наперво им необходимо уничтожить всех, кто причастен к этому делу.

– А что потом? – прошептала Элиза.

– Потом начнется новый сезон. Наберут свежую кровь взамен беглецов.

– Но им придется искать другое место дислокации, – возразил Ник. – Колония-то рас-секречена, соваться туда очень рискованно.

– Они планируют устроить Второй Шиол во Франции, но процесс только на стадии переговоров. Пока для них главное – разыскать нас.

Повисла короткая пауза.

– Говоришь, Страж хочет помочь людям? – пробормотала Элиза. – Куда он отправился?

– Искать Наширу.

– Нет никаких доказательств, что он на нашей стороне, – отрезал Ник, пряча датапэд. – Лично я никому не верю. Рефаиты – наши враги, включая Стража. Это мое мнение, и оно не изменится, пока не удостоверюсь в обратном.

Он встал и повернулся к окну. У меня в душе происходила чудовищная борьба. Нет, нельзя говорить про поцелуй. Ник решит, что я свихнулась. Да, я поверила Стражу, хотя по-прежнему не понимала его истинных намерений: кто он, к чему стремится.

Элиза облокотилась о стол:

– Надеюсь, ты вернешься в Севен-Дайлс?

– Нет, с меня хватит.

– Джекс тебя переубедит. Только там ты будешь в безопасности, и он довольно неплохой главарь мимов. Ни разу не пытался затащить тебя в койку. Согласись, есть начальники и похуже.

– По-твоему, надо сказать спасибо, что он не сделал меня лунатиком? Что не уподобился Гектору? Не ты билась с ним. Не тебя он покалечил! – Я задрала рукав блузки, продемонстрировав неровный белый шрам. – Псих!

– Он же не знал, с кем имеет дело.

– Он знал, что выколачивает душу из странницы. Не припомню, чтобы, кроме меня, в округе были другие странники.

– Спорами мы ничего не добьемся, – вмешался Ник, потирая уголки глаз. – Элиза, передай Джексу, что мы с Пейдж скоро будем в Севен-Дайлсе. А пока нужно выработать план действий.

– Что еще за план? – нахмурилась Элиза.

– Как быть с рефаитами, – пояснил Ник. – Сезонам костей необходимо положить конец.

– По-моему, нас это не касается, – буркнула Элиза, надевая пальто. – У нас была задача спасти Пейдж. А теперь пора подумать о хлебе насущном. Джекс говорит, что с твоим исчезновением мы потеряли основной доход, – повернулась она ко мне. – Ты должна вернуться в Ковент-Гарден. Чем скорее, тем лучше.

Я ошалело уставилась на нее:

– Хотите снова затащить меня на черный рынок? Пойми, Сайен – это марионеточное государство с концлагерем для ясновидцев!

– Мы отбросы общества, Пейдж. Пока сидим тихо, никакой концлагерь нам не грозит.

– Нет, мы не отбросы! – пылко возразила я. – Мы «Семь печатей», крупнейшая банда в Центральной когорте. Сайен нам не указ. Выступим единым фронтом, и нас не посмеют назвать преступниками или отбросами, как ты говоришь. Синдикат должен объединиться, причем срочно, до запуска «Экстрасенса».

– Зачем?

– Чтобы дать бой.

– Сайену? – Элиза покачала головой. – Пейдж, опомнись. Потусторонний совет не пойдет на такое.

– Я попрошу аудиенции и объясню ситуацию.

– Думаешь, тебе поверят?

– Ты же поверила. – Видя, что Элиза молчит, я вскочила с места. – Поверила или нет?

– Меня там не было, – слабо возразила та. – Ну да, в колонию верю, но... Пейдж, тебя держали под «флюидом», и вся эта история смахивает на...

– Хватит, – оборвал ее Ник. – Тебя там не было, зато я был.

– По-твоему, меня полгода накачивали «флюидом»? – прошипела я. – Невинные люди гибли на моих глазах, пытаюсь выбраться из этой чертовой дыры. Нельзя, чтобы все повторилось. Второй Шиол, Третий, Четвертый... Нет, я не стану притворяться, словно ничего не случилось!

Молчание затягивалось.

– Скажу Джексу, что вы оба скоро придете, – нарушила гнетущую тишину Элиза и стала повязывать шарф. – Надеюсь, так и будет. А то уже поговаривают, будто ты уволилась.

– Что, если так? – мягко спросила я.

– Подумай хорошенько, Пейдж. Без шайки ты долго не протянешь, – бросила Элиза и скрылась за дверью.

Едва на лестнице стихли шаги, я дала себе волю.

– Она совсем свихнулась! Или не понимает, что начнется, когда на улицах установят «Экстрасенс»?

– Ей страшно, – вздохнул Ник. – Она не мыслит жизни без Синдиката. В детстве Элиза осталась сиротой, росла в каком-то грязном подвале в Сохо, а закончила бы лунатиком, не повстречайся ей Джекс.

От неожиданности я опешила.

– Постой, разве до Синдиката она не работала в мюзик-холле?

– Работала, но все деньги спускала на астру и притоны. Судьба свела ее с Джексомом, и тот сразу разглядел талант. Купил бедняжке дорогие краски, дал убежище, лучших муз, каких только можно пожелать. Не забуду день, когда Элиза впервые появилась в логове, – несчастная растрогалась до слез. Не удивляйся, что сейчас для нее главное – сохранить незыблемость «Печатей».

– Если ее схватят, Джекс уже завтра найдет замену, тебе ли не знать! Ему плевать на всех нас. Наши способности – вот единственное, что он ценит. – Я потеряла веки. – Слушай, задача, конечно, сложная. И опасная. Но если бездействовать, нас истребят всех до одного.

Ник молча слушал.

– Синдикат – серьезная угроза для рефаитов, – продолжала я. – Это монстр, которого они сами же и создали. Но пока всем заправляет Гектор, мы просто жалкая кучка воров. В Синдикате сотни ясновидцев. Это целая организация, причем могущественная. Если объединимся – вместо того, чтобы резаться в карты и убивать друг дружку, – сможем раз и навсегда избавиться от рефаитов. Но для начала мне нужно выступить перед советом.

– Но как? Гектор не созывал совет уже целых... – Ник помешкал и заключил: – На моей памяти вообще не созывал.

– Можно попросить, чтобы он организовал встречу.

– Seriously?

– Роль подельницы меня многому научила. – Я достала из тумбочки письменный прибор. – Любой участник Синдиката вправе послать темному владыке депешу с требованием провести собрание. – Закончив писать обращение, я указала свой сектор, вложила лист в конверт и вручила Нику. – Передай это «Призрачному клубу».

– Что это? Депеша?

– Гектор все равно не заглядывает в почтовый тайник, а члены клуба пошлют курьера, чтобы отдать письмо ему лично.

– Джексон разозлится, если узнает.

– Я теперь в свободном полете. Забыл?

– Пейдж, без шайки ты долго не протянешь. Элиза права: тебя пинком вышибут из Синдиката.

– Попытаться стоит.

Ник покорно убрал конверт и неуверенно добавил:

– Такие вещи быстро не делаются. Тебе никто не поверит, а Гектору и вовсе плевать. Но допустим, совет прислушается, и что дальше? Пойми, ты посягаешь на коррупционные традиции, складывавшиеся десятилетиями. Даже веками! Знаешь, что случается, если опрокинуть тележку с яблоками?

– Яблоки рассыплются. – Я облокотилась на подоконник. – Ник, медлить нельзя. Рефатам нужна пища, а ясновидцев в городе раз-два и обчелся. Рано или поздно они явятся за нами. Не знаю, как им противостоять – и удастся ли противостоять вообще! – но я не могу молча позволить Сайену решать мою судьбу. Не могу!

Наступила тишина.

– Я тоже не могу, – проговорил наконец Ник.

3

И стало их пятеро

Следующий мой день ничем не отличался от предыдущего. Послезавтрашний – тоже. Просыпалась на закате, на рассвете засыпала.

Потусторонний совет так и не ответил на мою депешу. Ладно, через неделю можно послать еще одну. Курьеры в клубе работают оперативно, вот только Гектор частенько игнорирует почту.

Оставалось только ждать. Сложно загадывать, не зная, что творится в архонте. Ясно одно: власть теперь в руках Наширы.

На пятые сутки я осмотрела свои раны. Синяк на спине почти сошел, мелкие царапины благополучно зажили. После очередной порции пустых новостей я устроилась на кушетке и в мгновение ока проглотила завтрак, принесенный заботливым хозяином.

Ник раздобыл для меня кое-какие вещицы в берлоге, включая ПСВ-2 – кислородную маску для жизнеобеспечения в длительных «странствиях». Растянувшись на диване, я приложила маску к лицу. Давно не использовала свой дар, но если намерена хотя бы попытаться вступить в схватку, тело и дух должны быть в полной боевой готовности. Теперь, когда мой талант достиг пика, он станет лучшим оружием, чтобы победить врагов. Я включила подачу кислорода и погрузилась в недра сознания.

Погружение далось болезненно. Мой фантом прорвался сквозь дебри к полю увядших маков. Открыв призрачные глаза, я обнаружила, что стою на краю солнечной зоны, под ногами облетевшие лепестки, а над головой знойное алое небо. Раскаленный ветер трепал мои волосы.

Целые куски поля были выкорчеваны. Такой мне грезилась искалеченная ткань моего сознания – словно по ней прошли невидимым плугом.

Я склонилась к пожухлому маку и вытряхнула содержимое коробочки на ладонь. От моего прикосновения семена дали крошечные побеги, расцвели – но уже не маками. Краски стали насыщенней, завязей – меньше. В воздухе разливался аромат костра.

Кровь Адониса. Единственное, чего боятся рефайты. Они алой волной хлынули в мой лабиринт. Сотни тысяч багровых анемонов.

На время я завязала со странствиями. Психологический шторм такой мощности нужно переждать. Перед следующей попыткой проникновения в эфир должно пройти как минимум несколько дней.

Пока необходимо прикинуть, как поступить. Есть вариант, что Гектор проигнорирует депешу. Тогда придется все делать самой.

При таком раскладе передо мной встают две серьезные проблемы: деньги и уважение. Точнее, их полное отсутствие.

Если не вернусь на службу к Джексону, потребуется уйма денег, чтобы выжить. Мои сбережения остались в берлоге, зашитые в подушке. Возможно, мы с Ником сумеем организовать собственную банду. Объединим средства – его от Сайена и мои от Джексона – и купим небольшое логово где-нибудь на окраине, а там уже начнем искать союзников.

Обхватив себя за плечи, я шагнула к балкону. Осталась вторая проблема – уважение. За деньги его не купишь. Я не королева мимов, а без Джексона меня и подельницей не назовешь.

Существует неписаное правило: любой, кто хочет организовать собственную банду, должен спросить разрешения у местного главаря мимов, а после получить добро от темного владыки, что случалось крайне редко. Если действовать вопреки системе, нам в конечном итоге перережут глотку – и нам, и тем, кого мы найдем в порыве безрассудности или эгоизма.

С другой стороны, если вернусь к «Семи печатям», Джекс примет меня с распростертыми объятиями и кошельком. Откажусь – потеряю последние крупницы уважения, от меня отвернется весь Синдикат, ясновидцы будут презирать. Реши Фрэнк Уивер назначить вознаграждение за мою голову, те же ясновидцы наперегонки бросятся сдавать меня архонту.

Джексон напрямую не отказывался помочь бороться с рефайтами, но я уже не тешила себя ложными надеждами. Не знаю, в какой момент мне открылась истина – может, во время того жуткого избиения на Трафальгарской площади или когда Джекс чуть не придушил меня на лугу, – но ясно одно: Джексон Холл – опасный человек, не гнушающийся поднять руку на близкого.

И все-таки это мой единственный шанс быть услышанной в Синдикате. Возможно, самый оптимальный вариант – вернуться к «Печатям» и сидеть там тише воды ниже травы, как раньше. Иметь Джексона в начальниках – приятно мало, но иметь в его лице врага еще хуже.

Подавленная, я отвернулась от окна. Нет, нельзя вечно торчать в четырех стенах. Раны зажили, пора встретиться с Джексом и расставить все точки над «и».

Хотя нет. Сначала схожу в Камден, куда хотела отправиться Иви. Надо удостовериться, что с ней все в порядке.

Рюкзак с моими вещами висел на ручке двери. Подхватив увесистую штукловину, я заперлась в ванной, прикидывая, как бы получше замаскироваться. В итоге остановилась на черном драповом пальто, подняла воротник, а волосы убрала под фуражку. Если понизе наклонить голову, распухшие губы можно спрятать под кроваво-красным шейным платком.

Подарок Стража – заряженный амулет, отгоняющий злых духов, – висел на столбике кровати. Я надела цепочку и повертела в пальцах кулон. Какая тонкая, поистине филигранная работа! Такую штучку на улицах Лондона, где пачками бродят неприкаянные души убийц, с руками оторвут.

Раньше я с наслаждением ныряла в лабиринты Лондона, насквозь пропитанные опасностью и пороком. Раньше никто, даже рышущие по округе НКО, не могли удержать меня взаперти. Двойная жизнь давалась мне легко, как, впрочем, и большинству ясновидцев. По сути, прошмыгнуть мимо сайенской охраны так просто: всего-то надо избегать камер слежения, обходить стороной зрячих легионеров и шагать, шагать без остановки. Главное, не бросаться в глаза и смотреть в оба, поучал Ник. Вот только теперь мне известно, что Сайен – лишь марионетка, а силы, управляющие им, затаились в тени.

Меня вдруг охватила паника. Но стоило глянуть на кушетку, где я корчилась дни и ночи напролет в страхе, что за мной вот-вот явятся, как сразу стало ясно: не выйду сейчас – не выйду никогда. Распахнув окно, я вылезла на пожарную лестницу.

В лицо ударил ледяной ветер. На секунду я в ужасе застыла.

Свобода! Вот она, совсем близко.

Ноги предательски задрожали. Вцепившись в подоконник, я вернулась обратно. В комнате безопасно, лучше сидеть тут и не высовываться.

Но ведь улицы необходимы мне как воздух! Я рвала жилы, чтобы вернуться сюда, сражалась ради этого не на жизнь, а на смерть.

Трясущимися руками я снова вцепилась в лестницу и медленно двинулась по ступенькам, боясь, что каждый шаг может оказаться последним.

Едва подошвы коснулись асфальта, я воровато оглянулась, прощупывая эфир. У телефонной будки вполголоса переговаривались двое медиумов. Один зачем-то нацепил солнечные очки. Меня собеседники не удостоили даже взглядом.

До Камдена на своих двоих топать минут сорок. Я поправила фуражку, следя, чтобы светлые пряди не вылезли наружу.

Мимо, оживленно болтая и смеясь, проходили люди. Вспомнились прежние прогулки по городу. Ну кто будет останавливаться и заглядывать в лица прохожим? Правильно, никто. Значит, есть шанс проскочить незамеченной.

Ноги несли меня в центр, наполненный ревом моторов и ослепительным сиянием габаритных огней. Все частники оказались заняты, нелегальные рикши тоже не спешили тормозить. Белые такси и велорикши, белые повозки с черными кожаными сиденьями. Белые трехъярусные автобусы с рельефными тонированными стеклами. Вдоль дороги высились здания, все в неоновых вывесках и растяжках с изображением якоря – эмблемой Сайена; рядом устремлялись в звездную высь небоскребы. Яркий свет резал глаза, от оглушительного шума закладывало уши. Я привыкла к тихим улочкам без электрического освещения и гомона. Здесь же царил совершенно иной, безумный мир. Вот он, убогий в своем великолепии Лондон, моя тюрьма и мой дом.

Впереди показалась Пикадилли. Ни с чем не перепутать эти исполинские экраны на верхотуре, по которым днем и ночью крутят рекламу, объявления и пропаганду. Самые лакомые места достались «Бреккабоксу» и «Флокси» – безусловным лидерам на потребительском рынке, экраны поменьше транслируют свежие обновления для датапэдов: «Шпионский глаз», «Антибалаган», «Часовой механизм». Новомодные приспособления помогают мирным гражданам вычислять и избегать паранормалов и даже веселиться за их счет. По широкому экрану бегущей строкой идет памятка безопасности:

ПОМНИТЕ О ГРАЖДАНСКОЙ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ. ОТРЯДЫ
НКО ПАТРУЛИРУЮТ СТОЛИЦУ. ПРИ ПЕРВЫХ ПРИЗНАКАХ
ПАРАНОРМАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НЕМЕДЛЕННО СООБЩАЙТЕ
ЛЕГИОНЕРАМ.

ВНИМАТЕЛЬНО ОЗНАКОМЬТЕСЬ С ПРАВИЛАМИ
БЕЗОПАСНОСТИ.

Музыка, рев моторов, гудки клаксонов, гул толпы, голоса с экранов и грохот повозок сливались в дикую какофонию. Факельщики с неизменными зелеными фонарями привалились к столбам, предлагая защиту от коварных ясновидцев. Я направилась к рикшам.

В очереди передо мной стояла невидица. Легкий кремовый плащ перекинут через руку, красное бархатное платье с рюшами а-ля Берниш облегает тело, как вторая кожа. Плечом женщина прижимала к уху телефон.

– ...Глупости! Это временное явление. Нет, сейчас прямиком в кислородный бар. Может, успею на казнь. – Звонко расхохотавшись, она залезла в кабинку моторикши.

Я терпеливо ждала, вцепившись в металлическое ограждение. Наконец настал мой черед. Подкатила легкая повозка на электрической тяге; закрытая кабинка позади водителя вмещала одного-двух пассажиров.

– Камденский рынок, пожалуйста, – попросила я, старательно копируя британский акцент.

Если по моему следу пустили ищеек, то ищут они ирландку.

Рикша уверенно колесил по когорте I, направляясь к сектору 4. Я откинулась на сиденье. Предприятие, конечно, рискованное, но удовольствие от поездки того стоило. Кровь быстрее побежала по венам. Меня, такую дерзкую и отчаянную, везут по самому центру Сай-Лона, а никто не замечает. Пятнадцать минут спустя я шагнула на тротуар и протянула водителю монету.

Камден-Таун, сердце II-4, представлял собой отдельный мир, где паранормалы и невидцы мирно сосуществовали в оазисе ярких красок и танцевальной музыки. Сюда каждые несколько дней по каналу прибывали лоточники с товарами из других цитаделей. Уличные продавцы предлагали спрятанные во фруктах нумы и астру. Камден-Таун был раем для подпольного

бизнеса и идеальным убежищем для преступников. НКО не трогали местный рынок – большинство зрячих легионеров отоваривались на нем, а основная масса вообще проводила здесь выходные. Тут же располагался единственный подпольный кинотеатр под названием «Киношка», куда народ, вопреки опасности, слетался как мотыльки на огонь.

Я брела мимо тату-салонов, кислородных баров, стоек, с которых гроздьями свисали дешевые шарфы и часы, и вскоре очутилась у «Арены» – роскошного бутика днем и дискотеки ночью. У входа маячил мужчина с лимонно-желтыми волосами, собранными в конский хвост. Одного взгляда хватило, чтобы понять: передо мной сенсор. Ясновидцы частенько красили волосы и ногти под цвет своей ауры, хотя нас, зрячих, и без того видно за версту.

– Свободен, шеф? – спросила я, подойдя к Лимону вплотную.

Тот покосился на меня и буркнул:

– Это как посмотреть. Ты местная?

– Нет. Я Бледная Странница, поделница из Четвертого сектора Первой когорты.

Сенсор пренебрежительно отвернулся:

– Тогда занят.

Но от меня так просто не отделаешься! Правда, напускное равнодушие собеседника сбивало с толку. Обычно ясновидцы при слове «поделница» становились по стойке смирно. Мой фантом нанес нахалу ощутимый удар, от чего тот даже охнул.

– Какого хрена ты творишь?!

– Слушай, сенсор, мне тоже некогда. – Я схватила Лимона за шиворот, в угрожающей близости от его лабиринта держа свой фантом. – На игры нет времени.

– А никто и не играет, мисс бывшая поделница, – выпалил он. – Ходят слухи, будто вы с Белым Сборщиком разругались вдрызг.

– Серьезно? – хмыкнула я, стараясь сохранить безучастный вид. – Не верь слухам, сенсор. Мы со Сборщиком не ссорились. Короче, будешь и дальше нарываться или поможешь мне?

Сенсор прищурился, изучая меня сквозь желтые контактные линзы.

– Ладно, говори, чего тебе.

– Где тут «Бутик Агаты»?

– На рынке Стейблс, на другой стороне канала. Спросишь кровавый алмаз, и тебя проведут. – Сенсор скрестил на груди татуированные руки. Среди картинок преобладали скелеты, кости замысловатым узором вились по бицепсам. – Что-нибудь еще?

– Пока нет, – буркнула я, выпуская его воротник. – Спасибо.

Лимон только фыркнул. С трудом подавив искушение атаковать его напоследок, я направилась к каналу.

Вообще-то, не стоило так рисковать. Будь он из «Тряпичных кукол», не сносить бы мне головы. Перед этой бандой трепетала вся округа, ее участники одни из немногих могли похвастаться собственной «униформой»: полосатые пиджаки, браслеты из крысиных костей, крашенные волосы. Имя их предводителя наводило ужас на П-4, но лицезреть самого главаря, великого и ужасного Старьевщика, довелось лишь горстке избранных.

Похоже, Джекс успел пустить слух, что я больше не поделница, чем сильно пошатнул мое положение в Синдикате. И сделал он это для того, чтобы заполучить меня обратно. Все правильно, Джекс долго ждать не любит.

Запах Камденского канала уже щекотал мне ноздри. В мутной зеленоватой воде дрейфовали утлые суденышки с бортами, облепленными ряской. Стоя на корме, торговцы бойко выкрикивали:

– Покупай! Налетай!

– Шнурки, шнурки! Два фунта за десяток!

– Горячие пироги! Хватай, разбирай!

– Глазированные яблоки! Пять шиллингов за штуку!

– Каштаны свежие, жареные!

При упоминании о каштанах рот моментально наполнился слюной. Я обернулась. Интересовавшая меня лодка была красной с золотисто-сливовыми завитушками по бокам. Некогда яркая краска потускнела и облупилась, на корме безобразным клеймом выделялось антисайенское граффити. Мне уже мерещились обжигающие, надрезанные крест-накрест каштаны с выступающей наружу белой начинкой.

Завидев меня, торговка обнажила в улыбке кривые зубы. Отблески жаровни отражались в ее глазах, сверкавших под полями шляпы.

– Насыпать десяточек, юная мисс?

– Да, пожалуй. – Я протянула деньги. – Не подскажите, где «Бутик Агаты»? Вроде должен быть неподалеку...

– Прямо за углом. Там торгуют салепом, зазывалу за версту слышно – не ошибешься. – Торговка насыпала каштаны в кулек, сверху щедро сдобрила маслом и солью крупного помола. – На здоровье.

Поедая горячие кругляшки, я брела по рынку, старалась погрузиться в его атмосферу. Все здесь так разительно отличалось от Шиола I, где говорили только шепотом, а двигаться старались как можно незаметнее. Ночью, когда НКО выходили на охоту, для ясновидцев наступала опасная пора, зато наши способности в полночный час расцветали буйным цветом, жажда действия особенно обострялась, и мы, словно мотыльки, летели на неоновый свет.

В витринах бутика переливалась бижутерия. Возле входа хрупкая травница с орхидеями в небесно-синих волосах продавала салеп. Протиснувшись мимо торговки, я шагнула внутрь.

Над дверью звякнул колокольчик. Хозяйка, худощавая старушка в белой кружевной шали, никак не отреагировала на мое появление. Весь ее облик отливал ядовито-зеленым, под цвет ауры: зеленые, коротко стриженные волосы, того же оттенка лак на ногтях, тушь и помада. Одним словом, вещающий медиум.

– Чем могу служить, милочка? – прохрипела хозяйка голосом заядлой курильщицы.

Однако любой паранормал сразу сообразил бы, что горло у нее болит от чрезмерного общения с духами.

– Меня интересует кровавый алмаз, – откликнулась я, плотно закрыв за собой дверь.

Старуха окинула меня цепким взглядом. Интересно, что было бы, реши я перекраситься в тон своей алой ауре?

– Ты, должно быть, Бледная Странница, – хрипло констатировала старуха. – Идем, тебя ждут.

Она повела меня вниз по ветхой лестнице, спрятанной за антикварным шкафом. Всю дорогу моя провожатая надрывно кашляла, словно у нее в глотке застрял кусок мяса. Впрочем, ей недолго осталось страдать: вещатели зачастую отрезали себе язык, чтобы его лишний раз не эксплуатировали духи.

– Зови меня Агатой, – просипела старуха. – Тут у нас подземное убежище Четвертого сектора Второй когорты. Годами простаивает без дела, сама понимаешь. Случись беда, камденские ясновидцы разбегаются и прячутся по щелям, как тараканы.

Вскоре мы очутились в подвале, где горела единственная лампа. Стены оклеены страницами из страшилок, на бордюриках толстый слой пыли. Все пространство занимали два матраса, застеленные одеялами. На горе подушек спала Иви – кожа да кости в наглухо застегнутой рубашке.

– Не буди ее. – Агата присела на корточки и погладила измученную хиромантку по стриженной голове. – Бедному ягненочку нужно отдохнуть.

На втором матрасе устроились еще трое ясновидцев, выглядели они не лучше, чем в Шиоле: тот же затравленный взгляд, впалые животы и полумертвые ауры. Зато одеты во все чистое. В центре сидела Нелл.

– Привет, – сказала она мне. – Значит, ты тоже выбралась из Тауэра? Жаль, медалей за это не дают, а надо бы.

Между прочим, в колонии мы с Нелл не перекинулись и парой слов.

– Как нога? – спросила я, не зная, что еще сказать.

– Ерунда, просто царапина. Не элитное подразделение, а мазины жалкие. – Нелл коснулась ноги и, забыв свою браваду, поморщилась. – Этих двоих представлять не нужно, – кивнула она на товарищей.

В первом ясновидце я узнала полиглота, которому помогла однажды. Кареглазый и смуглый, в мешковатом комбинезоне поверх рубахи, он прикорнул на плече у Нелл. Вторым оказался Феликс – доходяга с копной черных волос и веснушчатой физиономией, служивший связным во время восстания.

– Прости, до сих пор не спросила твоего имени, – виновато улыбнулась я полиглоту.

– Ничего страшного, – певуче откликнулся тот. – Меня зовут Джозеф. Можно просто Джо.

– Приятно познакомиться, – машинально ответила я, лихорадочно озираясь по сторонам и чувствуя, как в горле встает тугой комок. – Больше никто не выжил?

– Боюсь, что нет.

– Мы взяли левака в Уайтчепеле, – вклинился Феликс. – С нами были еще двое, но они...

– Мертвы, – подхватила Агата и закашлялась в платок; на ткани расплылось кровавое пятно. – У девчушки было жуткое несварение, а паренек сиганул в канал. Такие дела, милочка.

У меня подкосились ноги.

– А паренек, случайно, не немой?

– Майкл спасся, – сообщил Джо. – Рванул куда-то вниз по реке, с тех пор его не видели.

По идее, радоваться нечему: еще один из наших пал в бою. Но главное, Майкл жив-здоров, его смерть мне точно не перенести.

Феликс почесал в затылке:

– Выходит, ты не нашла остальных?

– Пока нет, – вздохнула я. – Ума не приложу, с чего начинать поиски.

– А сама где обитаешь?

– В ночлежке. Адрес не скажу, меньше знаешь – крепче спишь. Вы здесь точно в безопасности?

– Можешь не сомневаться, – кивнула Агата, поглаживая Иви по плечу. – Не волнуйся, Бледная Страница, я с них глаз не спущу.

Феликс послал ей заискивающую улыбку.

– За нас не беспокойся. Камден – отличное пристанище. Да и потом... – Он на секунду замешкался и мрачно закончил: – Хуже, чем в Шиоле, точно не будет.

Я присела рядом с Иви, которая по-прежнему лежала не шелохнувшись.

– Я была ее кумой, – сообщила Агата, снимая с себя шаль и укрывая девушку. – А эта поганка взяла и смылась. Черти весь город прочесали, но ее не нашли. Дураку понятно, сцапали девку.

Меня затрясло от негодования. Кумы занимались тем, что вербовали юных побирушек и учили воровать и кланчить, а для пушей убедительности калечили, ведь инвалидам подают куда охотнее.

– Вы, наверное, тосковали всей душой, – фыркнула я.

Если Агата и уловила мое возмущение, то виду не подала.

– Тосковала, милая, тосковала. Иви ведь мне как дочь. Так уж сложилось. – Старуха поднялась и потеряла поясницу. – Ладно, у вас свои дела, у меня свои. Удаляюсь.

Дверь захлопнулась, но и через створку до нас доносился надрывный кашель с лестницы. Тем временем Феликс легонько тряхнул Иви:

– Просыпайся. Пейдж пришла тебя навестить.

Та вяло заворочалась. Джо помог ей сесть, подложив под спину пару подушек. Приняв вертикальное положение, Иви непроизвольно схватила за грудь. Наконец взгляд темных глаз сосредоточился на мне.

– Привет. – Хиромантка через силу улыбнулась, продемонстрировав выбитый зуб. – Как видишь, пока живая.

Джо внезапно забеспокоился:

– Агата не велела тебе вставать.

– Все в порядке, она просто паникерша, – отмахнулась Иви. – Эх, пригласить бы Тубана к моему смертному одру. Пусть полюбуется плодами своих трудов.

Никто не засмеялся. Меня вид жутких синяков поверг в самый настоящий шок.

– Так, значит, Агата твоя кума? – осторожно спросила я.

– Ей можно доверять. Она не такая, как другие. Когда-то спасла меня от голода. – Иви плотнее запахнула шаль. – Агата спрячет нас от Старьевщика. У них давние счеты.

– Зачем от него прятаться? – удивилась я, устраиваясь на матрасе. – Разве он не твой главарь?

– Он чудовище.

– Можно подумать, остальные лучше!

– Поверь, это очень опасный тип. Если пронюхает, что в его секторе отсиживается кучка беглецов, нам не поздоровится. Никто даже не знает его в лицо, кроме Агаты. Она следит за убежищем с незапамятных времен, начала задолго до нашего знакомства.

– А кто у Старьевщика поделница? – заинтересовалась Нелл.

– Без понятия. – Иви провела рукой по бритой голове и тяжело вздохнула. – Они тут скрытные ребята.

Хм, любопытно. При случае надо порасспросить Джекса про этого Старьевщика, если такой случай вообще когда-нибудь представится.

– Тогда зачем было сюда возвращаться?

– Больше некуда, – коротко ответила Нелл. – У нас ни денег на ночлежку, ни друзей.

– Слушай, Пейдж, – вмешался Феликс, – мы должны придумать план действий, чем скорее, тем лучше. Сайен вот-вот объявит на нас охоту. Хороший свидетель – мертвый свидетель.

– Для начала я выступлю на Потустороннем совете. Нужно, чтобы все узнали про рефаитов. – (При упоминании о своих мучителях Иви вздрогнула.) – Пусть каждый ясновидец в Лондоне поймет, что вытворяет с нами Сайен.

– Ты рехнулась, – дрожащим голосом проговорила Иви. – Гектору нет до этого дела. Он и пальцем не пошевелит, чтобы нам помочь.

– Попытка не пытка, – возразила я.

– И потом, у нас есть доказательства, – подхватил Феликс. – Наши метки, свидетельства. Без вести пропавшие ясновидцы, в конце концов!

– Может, они до сих пор в Тауэре. Или в могиле, – парировала Нелл. – Иви права: Гектор и слушать не станет. Мой приятель однажды сообщил его телохранителям про убийство, так его избили до полусмерти.

– Самое весомое доказательство – это живой рефаит, – вклинился Джо. – Что, если попросить Стража? Пейдж, твое мнение?

– Не знаю... – Помедлив, я добавила: – Неизвестно, жив ли он вообще.

– С рефаитами нельзя связываться, – прошептала Иви, отворачиваясь. – Не мне вам рассказывать, на что способны эти нелюди.

Джо нахмурился:

– Зря ты. В свое время он спас Лисс, прямо на наших глазах вылечил ее от эфирного голодания.

– Предлагаешь вручить ему медаль? – фыркнула Нелл. – Все равно не желаю иметь с ним ничего общего. Гореть этим тварям в аду, всем до единой!

– Хорошо, а невидцы? Может, объединимся с ними? – предложил Феликс.

Нелл скорчила гримасу:

– Дружок, тебе объяснить, что будет, реши невидцы на нас настучать?

– Нельзя быть такой пессимисткой!

– Прости, каждодневные казни не добавляют мне оптимизма. При любом раскладе невидцев больше раз в десять. Даже если наберем горстку союзников, оставшееся большинство раздает нас под орех, и плакал твой гениальный план.

Вот что бывает, когда люди безвылазно сидят в замкнутом пространстве, мелькнула у меня мысль.

– Невидцы вполне могут перейти на нашу сторону, – заметила я. – Сайен так старательно взращивал в них ненависть к паранормалам. Представьте, как отреагируют добропорядочные граждане, если выяснится, что сам Сайен пляшет под дудку ясновидцев, да еще каких! По талантам мы рядом не стояли с рефаитами, которые уже двести лет дергают нас за ниточки. Ладно, плевать пока на них и на невидцев, наша задача сейчас – набрать союзников среди своих. – Я встала у окна, наблюдая, как по каналу не спеша плывут груженные товаром моторки. – Что, если попросить главарей мимов о помощи?

– Дай-ка подумать, – скривила губы Нелл. – Мой, безусловно, откликнется. Сначала избыет меня до полусмерти, а потом отправит клянчить с перебитыми руками, ибо сочтет, что врать у меня получается на ура.

– Кто твой главарь?

– Зверюга из Первого сектора Третьей когорты.

– Ясно.

Зверюга целиком и полностью оправдывал свою кличку, о его жестокости в Синдикате ходили легенды.

– Феликс?

– Никогда не состоял в банде, всю жизнь сам по себе, – со вздохом признался тот.

– И я, – поддакнула Иви. – Всего лишь жалкая, никчемная побирушка.

– Джо?

– То же самое. Сколько себя помню, нищенствовал в Третьем секторе Второй когорты, а тамошних кумовьев просить бесполезно. – Он подтянул колени к груди. – Пейдж, долго нам тут торчать?

– Там видно будет, – неопределенно ответила я. – Интересно, Агата пошлет вас работать?

– Разумеется, пошлет. У нее на содержании двадцать побирушек, а кушать всем хочется. Только нас на ее шее не хватало, – отрезала Иви.

– Это понятно, но ведь вам и без того несладко пришлось. Нелл, ты вообще не практиковалась десять лет. Нужно время, чтобы заново освоиться, привыкнуть...

– Есть крыша над головой, и на том спасибо, – усмехнулась Нелл, опираясь на стену. – Мне работа точно не повредит, а то совсем забыла, каково это, когда тебе платят за труды. Кстати, – спохватилась она, – а как насчет Белого Сборщика? Если не ошибаюсь, он и есть твой главарь.

– На днях собираюсь с ним встретиться. – Я покосилась на Иви, сосредоточенно ковырявшую мозоль на пальце. – Агата знает про колонию?

Хиромантка отрицательно покачала головой.

– Что ты ей сказала?

– Что мы сбежали из Тауэра, – прошептала Иви. – Язык не поворачивается говорить про этот кошмар. Мечтаю поскорее о нем забыть.

– Вот и славно. Правда – наше главное оружие. Я должна первой донести ее до Потустороннего совета, пусть не думают, что это просто досужие сплетни.

Иви посерела от страха.

– Пейдж, не вздумай ничего говорить совету! Ты же обещала вернуть нас домой, и точка. Про борьбу и противостояние речи не было. Мы должны сидеть тише воды ниже травы, а из-за тебя нас всех...

– Я лично не собираюсь сидеть тихо, – мягко, но решительно произнес Джо. – Можешь на меня рассчитывать, Пейдж.

В этот момент вернулась Агата с подносом еды.

– Пора прощаться, милочка, – сообщила она мне. – Иви нужно отдыхать.

– Конечно, – буркнула я, напоследок окинув взглядом четырех ее подопечных. – Счастливо оставаться.

– погоди. – Феликс нацарапал на бумажке несколько цифр и протянул мне. – Если понадобится, звони. Это номер местной торговли. Скажешь ей, она передаст.

Сунув бумажку в карман, я стала взбираться по ветхой лестнице, при этом мысленно ругала Агату на все корки. Надо же быть такой дурой, чтобы проморгать двух ясновидцев! По ее милости оба погибли. Женщина она вроде добрая, вдобавок беглецы свалились как снег на голову, но, если она и дальше будет хлопать ушами, Иви отправится следом за покойными в эфир. С другой стороны, все не так уж плохо: ребята сыты, в тепле и под охраной.

На улице моросил дождик. Я не спеша брела по крытому рынку среди продуктового изобилия, озаряемого керосиновыми лампами. Чего тут только не было: в бумажных стаканчиках дымился горошек, щедро сдобренный маслом, на подносах возвышались горы картофельного пюре – нежно-белого на молоке, зеленого и розоватого от специй. На раскаленных сковородках шипели и потрескивали сосиски. У палатки с горячим шоколадом мною овладело непреодолимое искушение. Сладкий бархатистый напиток имел вкус победы. Всякий прием человеческой пищи был плевром в сторону Наширы.

Горячий шоколад камнем упал в желудок. Лисс отдала бы руку за один-единственный глоток.

Внезапный толчок в спину – и стаканчик вылетает у меня из рук.

– Вали отсюда! – Грубый мужской голос над ухом.

Я уже приготовилась осадить нахала, как вдруг заметила полосатый пиджак и костяные браслеты. «Тряпичные куклы». Лучше не связываться. В конце концов, это их территория, не моя.

День клонился к вечеру, когда я покинула негостеприимные своды рынка и двинулась на юг, тщетно пытаясь поймать попутку. Вскоре показалась граница когорты I. В переулке я привалилась к стене, чтобы посмотреть время. Все вокруг выдавало типичное пристанище балаганщиков: горы хлама, мусорные баки, следы костров, которые разводили прямо на крыльце, и мертвая тишина. Как выяснилось, место для привала я выбрала крайне неудачно.

Мое шестое чувство притупилось, поэтому опасность я заметила слишком поздно.

– Вот это встреча! Давненько не виделись, Бледная Странница.

Сердце ушло в пятки. Не узнать этот масляный голос было невозможно. Передо мной стоял Сенной Гектор собственной персоной.

4

Граб-стрит

Темный владыка лондонской цитадели обладал на редкость отталкивающей внешностью. В непосредственной близости физиономия Гектора выглядела еще гаже, что во многом объясняло его страсть к ночным вылазкам. Покрытый бородавками нос, оскаленные гнилые зубы, налитые кровью глаза – все выражало откровенное злорадство. Из-под котелка выбивались сальные патлы. Тем временем его кодла обступила меня полукругом.

С краю, в неизменном цилиндре, маячил Гробовщик, сборщик из I-1. Его правая рука, испещренная множеством инициалов, походила на сплошной шрам. Рядом возвышался гигант Проныра, телохранитель темного владыки.

– Юное солнышко забрело так далеко от дома, – пропел Гектор.

– Я в Четвертом секторе Первой когорты, у себя дома.

– Святая наивность. – Гектор отдал фонарь Проныре и снова повернулся ко мне. – Мы скучали по тебе, Странница. Так приятно снова видеть тебя в строю.

– Не могу сказать, что это взаимно.

– А ты не изменилась. И Белый Сборщик не сообщил о твоём... хм... отъезде.

– Ты не мой главарь, я не обязана перед тобой отчитываться.

– Зато твой босс обязан. – На губах Гектора заиграла ехидная улыбка. – Слышал, вы с ним повздорили?

Оставив его вопрос без ответа, я задала свой:

– Каким ветром вас сюда занесло?

– У нас накопились претензии к твоему боссу, – оскалился Бивень, обнажив левый клык с крошечным изображением масти Таро. Игрные способности Бивня давно стали притчей во языцех. Самый одаренный картомант из всех, с кем мне приходилось сталкиваться. – Кто-то из его шестерок затеял созвать Потусторонний совет.

– Имеет право, – возразила я.

– Это уж мне решать. – Гектор ткнул большим пальцем мне в горло. – А у меня обычно нет настроения наблюдать эти тоскливые сборища. Вот прикинь, Странница, начни я отвечать на все депеши из почтового ящика, что тогда? Где взять время, чтобы сидеть и выслушивать нытье чересчур сердобольных главарей мимов?

– Иногда полезно послушать нытье, – спокойно парировала я. – И потом, разве отвечать на депеши – не твоя работа?

– Со страждущими пусть разбираются мои подчиненные. Моя работа – держать вас на коротком поводке. За проблему возьмусь, только если сам сочту ее важной.

– По-твоему, Сайен – это мелочь? То, что нас скоро раздавят «Экстрасенсом», – тоже мелочь?

– Ни слова больше! – Гектор игриво приложил мне палец к губам. – Кажется, мы нашли ябеду. Признавайся, Бледная Странница, твоих рук дело? Ты отправила депешу?

Злорадный хохот его шайки вызвал у меня в душе бурю ярости.

– Решила, что можешь нам указывать? – оскалился Бивень. – Мы тебе кто, ручные шавки?

– Решила, Бивень, решила, да только шибко поспешила, – хихикнул Гектор и, наклонившись к самому моему уху, шепнул: – Белого Сборщика ждут большие неприятности из-за твоей дерзости, Странница.

– Возомнил себя королем, Гектор? – процедила я, не шелохнувшись. – Забыл, что в Лондоне делают с монархами?

Внезапно эфир надо мной сгустился. По спине побежали мурашки, когда от ближайшей стены отделился полтергейст.

– Лондонский Монстр, еще один мой старинный приятель, – любезно пояснил Гектор. – Надеюсь, вы знакомы? В восемнадцатом веке его имя было у всех на устах, чему виной привычка сдирать кожу с юных дев.

Дыра в эфире была такой, что у меня подкосились ноги, к горлу подступила тошнота. Но тут на ум пришла спасительная мысль о подвеске, и ко мне вернулась бывлая отвага.

– Видела и похуже твоего псевдопотрошителя, – фыркнула я.

В тот же миг придворный медиум, по прозвищу Шайба, издал леденящий кровь рык.

– Разуй глаза, сука! – Полтергейст успел вселиться в Шайбу и теперь говорил его устами.

Гробовщик погрозил ему пальцем, и злобный призрак нехотя отступил. Издав напоследок парочку отборных ругательств, Шайба затих.

– Закончили цирк? – усмехнулась я.

– Не совсем. – На меня угрожающе наступала Рот-до-Ушей, подельница Гектора. Выше своего босса на добрых несколько дюймов, она носила на поясе ножи, а длинные рыжие волосы заплетала в замысловатую косу. Карие глаза смотрели на меня с притворным радушием. Губы навеки застыли в зловещем оскале, чему был причиной S-образный шрам, рассекавший рот от уха до уха.

– У меня для Странницы припасена парочка фокусов. – В свете фонаря мелькнуло лезвие, холодное острие уперлось мне в щеку. – Думаю, ты еще долго будешь улыбаться.

Я застыла изваянием. Рот-до-Ушей была всего на два года старше меня, но жестокостью нисколько не уступала Гектору.

– Какая же подельница без шрамов? – Она коснулась едва заметного рубца на моей щеке. – Что это? Кошечка оцарапала? Или рожа трескается от штукатурки? Ты просто неудачница. Ничтожество, как и твои дружки из «Печатей». Плюнуть бы вам в харю.

За этими словами незамедлительно последовал плевок. Вся кодла, за исключением вечно хмурого Гробовщика, разразилась оглушительным смехом.

– Надеюсь, программа-минимум выполнена? – спросила я, утираясь рукавом. – Может, скажешь, чего тебе от меня нужно, Рот-до-Ушей?

– Мне нужно знать, где ты пропадала полгода. Гектор – последний, кто видел тебя в Лондоне.

– Меня тут не было.

– Слушай, овца, мы в курсе, что тут тебя не было! Вопрос – где ты прохлаждалась?

– Расслабься, не на вашей территории.

Рот-до-Ушей с размаху двинула мне по ребрам, перекрывая кислород. Старые раны взорвались ослепительной болью, я сложилась пополам, как складной стул.

– Поиграть захотела? Запомни, игрушка здесь ты.

Пока я корчилась от спазмов, она сделала мне подсечку, повалила на землю и, сорвав с головы кепку, намотала мои волосы на руку.

– Только посмотри на себя! Никакая ты не подельница.

– Обычная шарлатанка, – вставил кто-то из шайки. – А еще выдает себя за призрачную странницу!

– Хорошо сказано, Кастет. От странницы у нее одно название. На редкость никчемное существо. – Рот-до-Ушей прижала лезвие к горлу. – Зачем ты вообще нужна, а? Для чего Белый Сборщик держит тебя в Синдикате? Наша задача – избавляться от шарлатанов, поэтому лучше тебе по-хорошему разинуть варежку и отвечать на вопросы. Для особо одаренных повторяю: где ты была?

– Далеко.

От мощного удара в челюсть я влетела головой в стену.

– Отвечай, если не хочешь из вонючей ирландки превратиться в жмура!

Я с трудом подавила праведный гнев. Надо же, и ясновидцы заразились ненавистью Сай-ена к ирландцам! Гектор стоял неподалеку, посматривая на золотые часы на цепочке. Этот бой мне не выиграть ни при каком раскладе – мешают незажившие раны. Нельзя, чтобы Гектор пронюхал, как сильно переменились мои таланты. Пусть и впредь считает меня живым радаром, годным разве что вычислять чужие лабиринты.

– Она та еще партизанка, слова не вытянешь, – вклинился Кастет. – Гони кошелек, Странница. Хоть повеселимся за твой счет.

– И эту побрякушку тоже! – Его коренастая спутница схватила меня за волосы. – Это серебро?

Я намертво вцепилась в подвеску грязными пальцами.

– Обычная пластмасса. Купила в Портобелло.

– Врешь! Отдай!

Гладкий металл покалыванием отозвался у меня в ладони. Конечно, амулет заряжен против полтергейстов, но вот от толпы бандитов едва ли убережет.

– Оставьте девочке побрякушку, – распорядился Гектор. – Хотя на тебе, Горбонос, эта штучка смотрелась бы куда лучше.

Пока его прихвостни ржали, как кони, темный владыка нетерпеливо вытянул руку:

– Давай кошелек.

– У меня его нет, – возразила я.

– Не ври, Странница. Иначе велю Ряхе тебя обыскать.

Мой взгляд метнулся к лысому, с обрюзгшим лицом и толстыми пальцами субъекту по прозвищу Ряха. Он выполнял самую грязную работу в шайке, вплоть до убийства с последующим сокрытием трупа, если того требовали обстоятельства. Порывшись в кармане, я швырнула оставшиеся несколько монет под ноги Ряхе.

– Считаю это платой за свою жизнь, – наставительно произнес Гектор. – Рот-до-Ушей, убери нож.

Та недоуменно уставилась на него:

– Но ведь она так и не раскололась. Нельзя ее отпускать!

– Покалеченная она нам даром не нужна. Белый Сборщик не даст ни гроша за сломанную куклу.

– Эта сука не признается, где была. Ты же сам говорил...

Недолго думая, Гектор залепил ей звонкую пощечину, раскроив тяжелым перстнем губу.

– Не смей мне указывать, – прошипел он.

Рыжая коса растрепалась, волосы упали девушке на лицо. Злобно покосившись на меня, Рот-до-Ушей сжала кулаки и отвернулась.

– Прости.

– Извинения приняты, – милостиво кивнул Гектор.

Кодла многозначительно переглянулась, но лыбился один Бивень. Всех подручных Гектора роднило наличие мелких шрамов на лице. Окинув меня напоследок взглядом, темный владыка приобнял Рот-до-Ушей за талию и повел прочь. Не знаю, что творилось в голове у подельницы, но весь ее вид выдавал крайнюю нервность.

– Босс, – окликнул Бивень, – мы ничего не забыли?

– Ах да! – всплеснул руками Гектор. – С тебя должок за карты, Странница. Если снова попадешься у меня на пути, пеняй на себя – живой не выпущу.

Вперед выступил Проныра. Не успела я увернуться, как здоровенный кулак врезался мне в челюсть, а потом в живот. После четвертого удара из глаз у меня посыпались искры, ладони больно шваркнулись о землю. Не будь мой противник таким громилой, можно было бы рискнуть и врезать в ответ, но я не для того сражалась за жизнь, чтобы бесславно окончить ее в вонючем проулке.

На прощанье Проныра пнул меня тяжелым сапогом:

– Овца!

Смачно плюнув в меня, он преданной собачонкой засеменял за хозяином. Издевательский хохот еще долго витал над трущобами.

Во мне кипела боль, из горла рвались натужные хрипы. Трусливый подонок! Бивень давно искал повода поквитаться со мной за наш последний турнир по тарочки и не придумал ничего лучше, чем натравить Проныру. Ну до чего же глупо устраивать вендетту из-за карт! Впрочем, шайка Гектора только тем и промышляла. Синдикат для них давно уподобился большой игре.

Кряхтя, я встала на четвереньки – ну вылитая побирושка. Дрожащими пальцами вытащила из кармана телефон и набрала номер. Через два гудка откликнулся диспетчер:

– Первая когорта, Четвертый сектор.

– Белого Сборщика, пожалуйста.

– Минутку, мэм.

Прошло целых три, прежде чем раздался голос Джекса:

– Снова ты, Дидьен? Слушай, придурок, у меня нет ни времени, ни денег, чтобы разыскивать очередного твоего беглеца...

– Это я.

Повисла долгая пауза, хотя обычно стоило мне открыть рот, как Джексон пускался в занудные разглагольствования.

– На меня сейчас наехал Гектор. Сказал, что собирается поговорить с тобой. Жди всю кодлу.

Далее последовало краткое:

– Причина?

– Не оценил мою идею созвать Потусторонний совет, – так же кратко рапортовала я.

– Ну что за дура! – взорвался Джекс. – Ты всерьез думала, что Гектор согласится? На моей памяти наш мистер владыка не провел ни единого заседания! – Судя по звукам, мой собеседник вскочил и стал нервно расхаживать по комнате. – Говоришь, они идут сюда? В Севен-Дайлс?

– Похоже на то.

– Ну что ж, окажем им достойный прием. – Повисло недолгое молчание. – Ты ранена?

Я вытерла кровь с разбитой губы.

– Так, помяли немного.

– Где ты? Прислать за тобой такси?

– Нет, все в порядке.

– Лапушка, возвращайся в Севен-Дайлс. Мне уже пришлось уведомить главарей соседних секторов о твоём желании покинуть службу.

– Я в курсе.

– Тогда приезжай. Сядем и все хорошенько обсудим.

– Нет, Сборщик! – машинально вырвалось у меня. – Я еще не готова. И не знаю, буду ли готова вообще.

Молчание затягивалось.

– Ясно, – процедил наконец Джекс. – Тогда сообщи, как будешь готова, а я на досуге начну подыскивать тебе замену. Например, Колокол с ее преданностью выглядит весьма и весьма многообещающе. Не всем же отдыхать в ночлежках, пока бедный главарь мимов расхлебывает ваши косяки.

В ухо мне ударили гудки отбоя. Я вынула из телефона сим-карту и бросила в канаву.

Значит, Джекс прочит Надин, по прозвищу Молчащий Колокол, в подельницы... Я сунула бесполезную трубку в карман и направилась к выходу из проулка, чувствуя, как саднят

щеки. Мой путь лежал на Граб-стрит – туда, где печатались памфлеты. Именно там обитал Ник. Нужно поговорить с ним. Все лучше, чем провести очередную бессонную ночь в ожидании «алых». Окликнув проезжавшего мимо рикшу, я назвала адрес и отправилась в I-5.

Выходит, собрание не состоится. Да, наивно было надеяться, но в глубине души теплилась надежда, что Гектор согласится выслушать меня хотя бы из банального любопытства.

Нужно все же придумать, как сообщить нашим об опасности. Бегать по улицам и кричать про рефаитов нет смысла – меня просто сочтут ненормальной. Но в одиночку с таким могущественным врагом не справиться, ведь за его спиной вся военная мощь Сайена. В дрожь бросает при одной только мысли об этом. Если не заручусь поддержкой Синдиката, все пропало.

Когда рикша высадил меня на перекрестке, дождь полил как из ведра. Пообещав водителю расплатиться чуть позже, я обмотала лицо шейным платком и юркнула в арку.

С восьмидесятых годов двадцатого столетия Граб-стрит служила приютом для богемы подпольного мира ясновидцев. Здесь, в самом сердце I-5, обитала бунтарская прослойка паранормального общества. Местная архитектура представляла собой причудливую смесь из георгианского стиля восемнадцатого века, псевдотюдоровских построек и модерна. Куда ни глянь, потрескавшиеся фасады, брусчатка, покатые стены с вкраплениями неона и стали. Неизменный атрибут – транслятор. Обилие товаров в магазинах удовлетворило бы самого взыскательного покупателя: на прилавках высились горы плотной бумаги, башни из чернильниц, букинистические фолианты, распаивающиеся, словно двери в иной мир, и даже – настоящая роскошь! – шариковые ручки.

Пять или шесть кофеен и единственная в округе закусочная уже ждали своих клиентов. Из распахнутых окон доносился чарующий аромат молотых зерен. Сразу понятно, что тут живут в основном библиоманты и психографисты, коротающие досуг на пыльных чердаках в компании муз, книг и кофе. Из дверей антикварного магазинчика лилась классическая викторианская музыка.

Во все стороны от главной дороги разбегались извилистые переулки, и каждый упирался в закрытый дворик. Мой путь вел к одинокой ночлежке. Вывеска над входом гласила: «Гостиница „Колокол“».

Почувствовав, что Ник на месте, я постучала.

Через пару секунд в окошке мансарды появилось его обеспокоенное лицо.

– Как ты тут очутилась? Что-нибудь произошло?

– Гектор, – коротко бросила я.

Ник помрачнел:

– Радуйся, что осталась жива. – Он поцеловал меня в макушку. – Входи.

– Нужно расплатиться с рикшей.

– Не переживай, заплачу.

В вестибюле я стряхнула воду с плаща. Вернувшись, Ник проводил меня в гостиную. В камине полыхал огонь, неподалеку какой-то толстяк с трубкой в зубах сидел, склонившись над книгой. На вид ему было лет шестьдесят, щеки покрывала нездоровая бледность. Картину довершали огромный нос и аккуратная темная с проседью борода.

– Добрый вечер, Альфред, – поздоровался Ник.

Толстяк подскочил так, что едва не опрокинул кресло.

– А, Взор, это ты! Рад тебя видеть, дружище. – Толстяк говорил с поистине аристократическими интонациями, словно родился еще во времена монархии.

– Неважно выглядишь, приятель, – заметил Ник.

– Что есть, то есть, – вздохнул тот, усаживаясь. – Минти меня разыскивает. Сил уже никаких нет.

– Ты принял меня за Минти? Ничего себе комплимент, – усмехнулся Ник, забирая ключ у консержера. – По-моему, ты переутомился. Поехал бы куда-нибудь отдохнул.

– Шутишь? Да у главаря мимов случится удар. Ему нравится, что я всегда под рукой, на случай творческих катаклизмов. Не то чтобы он у меня на хорошем счету – мерзавец задолжал мне рукопись. – Шишковатым пальцем толстяк поправил пенсне. А потом заметил меня, и брови поползли вверх. – Кто эта юная леди, которую ты норовишь затащить на чердак?

– Познакомься, Альфред, это Пейдж. Подельница Джексона.

Альфред взглянул на меня поверх очков:

– Ну надо же, сама Бледная Страница! Очень рад встрече.

– Альфред у нас спец по психам. Уникум, других таких в Лондоне нет. Не кто иной, как он, раскрыл писательский талант Джекса.

– Спешу добавить, что псих в данном контексте – сокращенное от психографиста. Дело в том, что почти все мои клиенты – психографисты, или, как их называют в народе, пишущие медиумы. – Альфред галантно поцеловал мою грязную кисть. – Главарь мимов столько о тебе рассказывал, но так и не утрудил нас познакомить.

– Джексон вообще не любит себя утруждать, – усмехнулась я.

– Он же генератор идей! Такому не пристало работать. – Альфред выпустил мою руку. – Должен сказать, голубушка, вид у тебя как после бомбежки.

– Гектор, – все так же коротко пояснила я.

– А, тогда ясно. Наш темный владыка далеко не миролюбив. Никогда не понимал, почему ясновидцы так яростно истребляют друг дружку, вместо того чтобы объединиться против инквизитора.

Я украдкой изучала изнуренное лицо собеседника. Если он и впрямь раскопал писанину Джекса, значит с его подачи увидели свет «Категории паранормального» – памфлет, ставший причиной вечного раздора среди ясновидцев.

– Действительно странно, – пробормотала я.

Альфред озадаченно повернулся ко мне. Под глазами цвета каленой стали бурели мешки.

– Ник, поведай старику последние сайенские сплетни, – попросил толстяк, поудобнее усаживаясь в кресле. – Какие дьявольские эксперименты сейчас в ходу? Ясновидцев уже начали прилюдно четвертовать?

– Пока ничего пикантного, увы, – шутливо посетовал Ник. – Почти всех врачей заняли на испытаниях «Экстрасенса» для СайОРТа.

– Кто бы сомневался. Даника сильно переживает по этому поводу?

Вряд ли Даника знала толстяка лично, с ее-то замкнутостью. Скорее всего, Джексл слил ему всю информацию, включая наши подлинные имена.

– Она из шестой касты, – пожал плечами Ник. – Ей пока ничего не грозит.

– Вот именно: пока, – подчеркнул Альфред.

Мне вдруг стало не по себе. Какая же я эгоистка! Даже не удосужилась узнать, вышла ли Даника на работу после побега. Она трудилась в СайОРТе на полставки, и очень хотелось верить, что ей удалось не опоздать к началу смены.

– Все равно, новый прототип будет готов не раньше Ноябрьфеста. По крайней мере, его массовый аналог, – добавил Ник.

– В архонте их уже внедряют всюду, друг мой, – вздохнул Альфред. – И на стадионе поставят непременно. Вот помани мое слово: месье инквизитора ждет роскошный прием.

– Скорее бы посмотреть на юбилейные казни, на все пятьдесят. – Ник подтолкнул меня к лестнице. – Извини, Альфред, но Пейдж необходимо принять обезболивающее. Удачи тебе в прятках от Минти.

– Не беспокойся. «Если госпожа Удача не может прибавить ума дураку, она наделяет его везением».

– Шекспир?

– Монтень. – Неодобрительно цокнув языком, Альфред снова уткнулся в книгу. – Гуляй, невежда.

В недрах гостиницы царил полумрак. Мы поднялись по скрипучей лестнице в мансарду, устланную протертым до дыр ковром. Тускло-коричневые стены цветом напоминали застарелый синяк.

– Альфред с Джексом дружат с незапамятных времен. – Ник провернул ключ в дверном замке. – Весьма незаурядная личность – самый талантливый библиомант в цитадели. Пятьдесят семь лет, а пашет по восемнадцать часов в сутки. Бестселлеры нутром чует, после первого же прочтения.

– А он хоть раз ошибался в своих прогнозах?

– Насколько мне известно, нет. Говорю же, уникам, единственный в своем роде. Других он просто вытеснил.

– И что же он делает для Джекса?

– Ну во-первых, продвигает его памфлет в «Призрачном клубе», сам неплохо нажил на «Категориях».

Я сочла за лучшее промолчать.

Ник щелкнул выключателем. Лампочка под потолком озарила ничем не примечательную комнату с поистине спартанской обстановкой: зеркало над треснувшей раковиной и кровать, застеленная жидким одеялом. Судя по слою пыли, не убирались тут лет сто. Пару-тройку нужных в хозяйстве вещей Ник явно не поленился перетащить из своей основной квартиры.

– И ты платишь за эту дыру? – удивилась я.

– Представь себе. Тут, конечно, не Букингемский дворец, но иногда меня тянет пообщаться с кем-нибудь, кроме Джекса и банды. Считаю это чем-то вроде дачи. – Он смочил флаanelевую тряпку в горячей воде и протянул мне. – Рассказывай, что вы не поделили с Гектором.

– Он собрался к Джексону.

– Зачем?

– Из-за депеши. – Я промокнула разбитые губы. – Хотел выяснить, кто ее отправил. А когда сообразил, что это моих рук дело, натравил на меня Проныру.

Ник поморщился:

– Этого следовало ожидать. Выходит, собрание отменяется?

– Да.

– Но к Джексу они все равно нагрянут?

– Я звонила ему, чтобы предупредить. В итоге меня позвали обратно в Севен-Дайлс. Я отказалась.

– Сильно лютовал из-за депеши?

– Самое удивительное, что нет. – Отняв тряпку от лица, я увидела, что она вся перепачкана кровью и грязью. – Но зато грозился назначить Надин поделницей.

– Все к тому и шло, sötnos. – Заметив мое недоумение, Ник со вздохом пояснил: – Надин метит на эту должность с первого дня, как ты исчезла. Постоянно болтается с Джексом, даже взяла на себя большую часть твоих обязанностей: собирает арендную плану, торгуется на подпольных аукционах в склепе Юдифи, ну и все в таком духе. Конечно, с твоим возвращением это кончится, но Надин явно будет не в восторге.

– Почему именно Надин, а не Зик или Дани? Они ведь фурии.

Ник только развел руками:

– Кто разберет, что творится в голове у Джексона Холла. Так или иначе, Надин станет поделницей лишь при условии, что ты ответишь категорическим отказом. Точно хочешь завязать?

– Да... Нет... Не знаю. – Я плюхнулась на кровать. – Не могу забыть его слова, что он превратит мою жизнь в ад, если не вернусь.

– С него станется. И прости-прощай Синдикат... Подумай хотя бы о деньгах. Мне все труднее выкраивать на плату за твоё жильё – Сайен тщательно мониторит счета сотрудников, вот-вот начнутся вопросы. Да, Джексон не подарок, но платит всегда щедро.

– Ага. Мне он платит за то, что дразню Дидьена, Надин – за игру на скрипке, Зику – за то, что позволил сделать из себя лабораторную крысу. Полный идиотизм!

– Он главарь мимов, это его работа.

– Вся проблема в Гекторе, – объявила я, глядя в потолок. – Умри он, кто-нибудь другой смог бы возглавить Синдикат и объединить ясновидцев.

– Размечталась. Для этого нужно, чтобы темный владыка убрался вместе с подельницей. Не станет Гектора, Рот-до-Ушей займет его место, а она ничем не лучше. И потом, Гектору всего сорок, от голода он не страдает, поэтому к праотцам отправится он как нескоро.

– Если только ему не помогут.

Ник отвернулся.

– Даже самым жестоким головорезам не выгодна революция, – глухо произнес он.

– Это потому, что Гектор всячески потворствует их жестокости, – отрезала я.

– Предлагаешь устроить революцию?

– А есть другие варианты?

– Допустим, мы сумеем устранить Рот-до-Ушей. И все равно Потусторонний совет не согласится выступить против Сайена, – мягко проговорил Ник. – Правящая верхушка Синдиката захватила власть при помощи убийств и шантажа, но никак не благодаря отваге. В данном случае убрать Гектора – не панацея. – Он налил салепы из фляжки. – На вот, выпей. Ты вся дрожишь.

Я покорно взяла чашку.

Ник опустился рядом со мной на кровать и, отхлебнув салепы, вдруг признался:

– После возвращения меня посещают странные образы. Возможно, все это ерунда, но некоторые очень настораживают...

– Что за образы? – перебила я.

– Пытка водой. – Ник сказал это так, словно видение преследовало его до сих пор. – В комнате с белыми стенами и синим кафельным полом. Мне и прежде доводилось видеть такое, но без деталей, а теперь... В пыточной висят деревянные часы. На циферблате вырезаны цветы, листья. Когда бьет полночь, появляется крохотная птичка и поет песенку из моего детства.

У меня лихорадочно забилось сердце. Дар оракулов – посылать образы, но иногда те сами являются им из эфира. Для Ника эти непонятные картинки служили нескончаемым источником тревог и радостей одновременно.

– Ты раньше видел такую штуковину?

– Да, у матери. Называется «часы с кукушкой».

Ник всегда избегал разговоров о своей семье.

– Думаешь, это касается тебя? – спросила я, пододвигаясь поближе.

– Судя по песенке, да. – Ник мрачнел на глазах. – Видения у меня с шести лет, но расшифровывать их я так и не научился. Даже если пытка предназначена не мне, правда все равно скоро всплывет. Можно мнить себя самым крутым смельчаком, но мы всего лишь люди, Пейдж. А люди ломают кости, пытаясь вырваться из водной доски.

– Хватит! Они не имеют права пытать тебя.

– Еще как имеют. – Он устало прикрыл глаза. – За годы работы на Сайен я спас от виселицы тридцать четыре ясновидца и двоих – от азотной асфиксии. Только это придавало мне сил, было смыслом жизни. Всегда нужен свой человек в стане врага, иначе не победить.

Меня всегда восхищала самоотверженность Ника. Джекс жутко злился, что его оракул пашет на Сайен в ущерб шайке, однако поделаться ничего не мог – у доктора Найгарда был контракт с государством и благодаря этому свободные средства, чтобы по возможности выручать друзей.

– Но ты, sötnos, вполне можешь уехать, – продолжал Ник. – Через Атлантику тебя, конечно, никто не переправит, а вот на континент – запросто.

– А смысл? Обстановка там тоже беспокойная. И чем мне заниматься? Пойти работать в цирке уродов?

– Серьезно, Пейдж. Французский у тебя хороший, не пропадешь. Главное, будешь подальше от эпицентра событий. Или возвращайся в Ирландию. Туда они точно не сунутся.

У меня вырвался горький хохоток.

– Ирландия – табу для инквизиторов?! Ну насмешил.

– Хорошо, забыли про Ирландию, – согласился Ник. – На свете куча других мест.

– Куда бы я ни забралась, везде найдут.

– Кто? Сайен?

– Нет, рефаиты. – Уж Нашира так легко не отступится. – Всего пять человек пережили побег, но лишь у меня хватит духу совершить переворот.

– Значит, остаемся?

– Да. Мы останемся и изменим мир.

На его лице появилась вымученная улыбка. Оно и понятно – перспектива сражаться с Сайеном не внушает оптимизма.

– Пойду в закусочную, – сообщил Ник, поднимаясь. – Что хочешь на завтрак?

– На твое усмотрение.

– Ладно, только задвинь шторы. – Он натянул пальто и скрылся за дверью.

Я задернула плотные занавески.

Революция в Шиоле I удалась на славу. Главное – правильно выбрать время и цель, тогда даже самая безропотная и забитая масса восстанет и захочет заявить о себе.

Главари мимов безропотной и забитой массой точно не были. Заявить о себе им помогла деспотия и зверства Сайена. С налаженной инфраструктурой, с подручными бандитами, карманниками и вымогателями воротилы подпольного мира могут не беспокоиться о завтрашнем дне. Дело за малым – убедить их, что со свержением Сайена все станет еще лучше, но, пока жив Сенной Гектор, его подданные так и будут прозябать в праздности и разврате.

Склонившись над раковиной, я смыла засохшую слюну с волос. Ник сказал, что убивать Гектора бессмысленно, однако синяк, проступивший у меня на щеке, говорил об обратном. Темный владыка – симптом хронических болезней Синдиката: жадности, жестокости и, что хуже всего, апатии.

Убийство – не самое страшное преступление для тех, кто не верит в загробную жизнь. Гектор собственноручно отправил на тот свет множество ясновидцев – и отнюдь не гуманным способом, а никто и бровью не повел. Но прикончить главу Синдиката... Это не какая-то мелкая сошка. Существует неписаное правило: нельзя покушаться на своего главаря мимов, а уж тем более на темного владыку. По меркам Синдиката такой поступок сродни государственной измене.

Может – ну в порядке бреда! – переговорить с Рот-до-Ушей? Вдруг сама по себе она окажется адекватной? Ага, мечтать не вредно. Это равносильно тому, что Гектор добровольно сложит полномочия.

Прижимая к щеке холодный компресс, я снова опустилась на кровать. Похоже, нет другого выбора, как снова стать подельницей. Чтобы натравить Синдикат на Сайен, мне надо держаться поближе к Потустороннему совету. Только так можно завоевать уважение и власть.

Однако без Стража нет никаких доказательств существования рефаитов, а на слово мне вряд ли поверят.

Я вновь дернула золотую пуповину.

Отзовись! Ты просил, чтобы я помогла начать все это. Теперь помоги мне закончить.

Ничего. Лишь до боли знакомая гнетущая тишина была мне ответом.

5

Уивер

Пару часов спустя Ник отправился на работу. Гостиничная комната осталась в полном моем распоряжении, да и возвращаться в ночлежку особо не тянуло. Я прилегла отдохнуть, но с уходом Ника меня одолела тоска. Ближе к вечеру захотелось есть. Пришлось собираться и идти. Из магазинчика грамзаписей доносилась музыка, двери гостеприимно распахнулись для участников сеансов. По дороге мне попался ясновидец-попрошайка, с ног до головы замотанный в грязные одеяла. Наверное, гадатель или прорицатель – с приближением зимы эти бедолаги зачастую оказывались на улице в поисках куска хлеба.

Живы ли родители Лисс? Чем занимаются? Мерзнут под открытым небом, предлагая прохожим раскинуть карты, или после исчезновения дочери вернулись на Северо-Шотландское нагорье? Впрочем, не важно. Они так и не узнают, что с ней случилось, не смогут наказать убийцу, Гомейсу Саргаса. Наверняка он сейчас в архонте, готовит страшную месть мятежникам.

Мне вдруг вспомнились его слова:

«Вот каким нам видится ваш мир, Пейдж Махоуни. Рой мотыльков, обреченных на гибель».

Так странно было вновь очутиться в I-5, в финансовом центре Сайена, где прошла моя юность. До знакомства с Джексонном Холлом я коротала время в зеленых оазисах, чудом уцелевших среди небоскребов, стараясь не поддаваться позывам своего дара. Отец не возражал против моих отлучек, а с появлением мобильных и вовсе предоставил мне полную свободу действий.

Слева на перекрестке в тумане обозначилась кофейня. Завидев неоновую вывеску, я застыла как вкопанная. «Боббин-кафе». Мой отец – человек привычки. Всякий раз после работы он шел пить кофе, и обязательно – в «Боббин-кафе». Помню, в детстве сама ходила с ним туда пару раз.

Ладно, рискну. Конечно, разговора на людях не получится, но хотя бы удостоверюсь, что отец жив-здоров. После всего, что мне довелось увидеть и узнать о мире, так хочется взглянуть на родное лицо. Лицо моего отца, которого я всегда любила, но никогда не понимала.

В кафе, по обыкновению, толпился народ, витал чарующий аромат кофе. Несколько посетителей покосились на меня – по-видимому, учуяли красную ауру, – но никто не насторожился. Ясновидцы с Граб-стрит вообще считали себя выше условностей Синдиката. Худенькая избитая девушка не представляет угрозы, будь она хоть трижды прыгун. И все-таки, устроившись в самом темном углу за ширмой, я по-прежнему чувствовала себя голой. Не стоило мне выходить. Сидела бы спокойно в четырех стенах за надежно запертой дверью.

Убедившись, что мое инкогнито не раскрыто, я пересчитала деньги, оставленные Ником, и заказала дешевый суп, старательно имитируя английский акцент в разговоре с официантом. Когда принесли густую массу из перловки и гороха, налитую в полую булку, я с удовольствием принялась за еду, наслаждаясь каждым кусочком.

Ни у кого из посетителей не было датапэда, но читали практически все: викторианские рукописи, манускрипты, страшилки. За соседним столиком библиомант, прикрываясь газетой, перелистывал потертое издание первого сборника стихов Дидьена Вэя «Любовь с первого взгляда, или Ясновидца отрада», якобы анонимного. По крайней мере, сам Дидьен считал его анонимным. Остальные же прекрасно знали, кто автор, поскольку всех муз он называл в честь усопшей супруги. Джек истомился в ожидании, когда же Дидьен наконец возьмется за эротическую прозу.

Улыбка слетела у меня с лица, едва над дверью звякнул колокольчик. До боли знакомый лабиринт заставил меня разом забыть о книге.

Повесив сложенный зонт на вешалку у стойки, вновь вошедший сбил грязь с сапог и двинулся мимо меня к прилавку.

За последние полгода отец изрядно поседел, морщин прибавилось, но шрамов, выдающих жертву пыточной камеры, не было. У меня отлегло от сердца.

Ясновидящая бариста повернулась к отцу:

– Что будете заказывать?

– Черный кофе, – практически без акцента проговорил он. – И стакан воды.

Мне потребовалась вся сила воли, чтобы не выдать себя.

Отец занял столик у окна, оказавшись ко мне в профиль. Сквозь мозаичные стекла ширмы я вдруг с ужасом заметила у него на шее лиловый рубчик, смахивающий на порез от бритвы. Моя рука машинально метнулась к позвоночнику, где красовалась точно такая же отметина – живое напоминание о ночи ареста, когда меня подстрелили «флюидом».

Дверь снова распахнулась. В кофейню вошла невидица и решительным шагом направилась к столику отца, на ходу снимая пальто. Незнакомка была невысокая и коренастая, с оливковой кожей и светлыми глазами; черные как смоль волосы заплетены в косу. Усевшись напротив отца, брюнетка сплела пальцы, унизанные десятком серебряных колец тонкой работы.

Во мне нарастала тревога. Вот брюнетка покачала головой. Отец резко сник и закрыл лицо ладонью, его плечи предательски задрожали. Женщина успокаивающим жестом накрыла его другую руку, сжатую в кулак.

В горле у меня вдруг встал тугой комок, и я поспешно склонилась над супом. Музыкальный автомат, проглотив монетку, заиграл «The Java Jive». Поддерживаемый подругой, отец встал, и вскоре оба они растворились во мраке улицы.

– О чем задумалась, голубушка? – раздалось над ухом.

Вздвигнув, я не сразу узнала спеца по психам.

– Альфред, ты?

– Он самый, старый дурак. Все подкатывает к юным дамам в кафе, ничему жизнь не учит. – Он с любопытством всматривался в мое лицо. – Вид у тебя слишком мрачный для субботнего вечера. Судя по моему опыту, недолили кофе.

– Вообще не налили.

– Да ты, милочка, явно не из книжных червей!

– Здорово, Альфред! – помахала ему бариста, а вслед за ним еще несколько посетителей. – Давненько не виделись.

– Привет, привет. – Тот с улыбкой приподнял шляпу. – А куда деваться? Власть имущие уже наступают на пятки. Пришлось притвориться, будто работаю. Какие книги, окститесь!

Его слова были встречены добродушным смехом, после чего публика вернулась к своим делам.

Альфред взялся за спинку соседнего стула:

– Не возражаешь?

– Конечно нет.

– Спасибо. Постоянное общение с писателями так утомляет. Жуть! Ну, чего изволите? Кофе с молоком? Миель? Бон-бон? Венский? Может, чашечку масала-латте? Кстати, отличная штука.

– Обычный салепп, пожалуйста.

– Серьезно? – Альфред снял шляпу и положил на стол. – Ладно, если настаиваешь. Официант, принесите нам зерна просвещения!

Теперь понятно, почему они с Джексом так хорошо ладят, – оба чокнутые. Официант практически бегом метнулся к стойке, оставив меня наедине с потоком музыки.

– Говорят, вы работаете в «Призрачном клубе»? – откашлявшись, спросила я.

– В здании клуба, но не в организации. Просто приношу время от времени кое-какие бумажки, иногда их даже покупают.

– Довольно провокационные бумажки, не находите?

Альфред добродушно приснул:

– Голубушка, провокации – это мой хлеб. Твой главарь мимов тоже в них поднаторел. Не зря его система семи каст по праву считается главным шедевром подпольного мира.

По мне, так весьма спорное заявление.

– Как вы на него вышли?

– Получилось как раз наоборот. Он прислал мне рукопись «Категорий паранормального», будучи примерно твоего возраста. Одно слово – гений. Но жутко ревнивый. До сих пор бесится, стоит мне завести нового клиента в Четвертом Первой. – Альфред укоризненно покачал головой. – Потрясающий талант, дерзкое воображение, и так переживать из-за ерунды! – Он умолк, дожидаясь, когда официант поставит поднос. – Спасибо, дружок.

Принесенный кофе оказался густым, как грязь.

– Конечно, публикация памфлета была сопряжена с огромным риском, – продолжал Альфред, – но я в душе игрок, поэтому решил рискнуть.

– А потом изъяли тираж, – напомнила я. – После войны банд.

– Символический жест. Вдобавок запоздалый. К тому времени пираты штамповали «Категории» по всей стране, внося еще бóльшую смуту в умы ясновидцев. Литература – самое мощное наше оружие, Сайену такое не по плечу. Максимум, на что они способны, – это дезинфицировать свою макулатуру. Но мы, творческая прослойка, должны особенно тщательно относиться к провокационным творениям. Изменив одно-два слова, даже единственную букву, можно необратимо изменить ход истории. Рискованное занятие, очень рискованное.

Я подлила в салеп розовой воды, размешала:

– Значит, вы больше не рискнете опубликовать нечто подобное?

– Голубушка, не трави старику душу. После изъятия тиража я отошел от дел. Памфлет живет и процветает, а твой покорный слуга влачит жалкое существование в съемной мансарде. – Альфред снял очки и потер веки. – Хотя я по-прежнему получаю процент от прочего самиздата, попадающего на полки, за исключением разве что лирики месье Вэя. Впрочем, невелика потеря – как для меня, так и для литературы.

– Мятёжным настроением в его творчестве не пахнет, – согласилась я.

– Как и в творчестве других его собратьев по перу. Кроме Джексона, разумеется. В остальных случаях весь протест сводится к незаконным тиражам. – Альфред кивнул на женщину у окна, целиком поглощенную чтением: голова опущена, взгляд прикован к томику на коленях. – Поразительно, какую власть имеет над нами печатное слово! Сейчас мы наблюдаем чудо, милая.

Я покосилась на сборник страшилок, который женщина прятала под столом. Глаза скользили по строчкам, не замечая ничего вокруг. Библиомантка не просто абстрагировалась от происходящего, она постигала. Верила в то, что в обычных условиях показалось бы полным бредом.

Внезапно экран над стойкой загорелся белым. Посетители разом восторжеслись. Официант щелкнул выключателем. Теперь единственным источником света в помещении был тускло горящий экран.

На белом фоне проступили черные строки:

**МЫ ПРЕРЫВАЕМ ПРОГРАММУ ПЕРЕДАЧ ДЛЯ ЭКСТРЕННОГО
ОБРАЩЕНИЯ ИНКВИЗИТОРА.**

– А, черт! – прошептал Альфред.

Оркестр заиграл гимн «На якоре Сайена стоим мы» (нас каждое утро заставляли петь его в школе). Едва стихли последние аккорды, изображение якоря исчезло и на экране возник Фрэнк Уивер.

Мистер Марионетка собственной персоной. И смотрел он прямо на нас. В кофейне повисла мертвая тишина. Верховный инквизитор редко появлялся за пределами архонта.

Глядя на него, сложно было определить возраст. Минимум пятьдесят. Продолговатое лицо в обрамлении прилизанных бакенбард. Волосы цвета тусклой стали плоско лежат на затылке. Инквизитор в накрахмаленном белом воротничке казался полной противоположностью уравновешенной и чувственной Скарлет Берниш, чьи нежные губы могли смягчить самую дурную весть.

– Граждане цитадели, с вами говорит инквизитор. – Какофония утробных голосов неслась из каждого динамика в цитадели. – Ужасные новости пришли сегодня в Лондон, оплот естественного правопорядка. Как мне только что стало известно из донесения старшего полководца, сейчас по улицам города разгуливают восемь опаснейших преступников. – Кусочком черного шелка инквизитор стер с подбородка слюну. – В силу обстоятельств, неподвластных архонту, преступникам удалось сбежать из Тауэра и скрыться, прежде чем подразделение «Щит» успело принять меры. Непосредственные виновники произошедшего уже отстранены от работы.

Хотя Уивер был человеком из плоти и крови, на его лице не отражалось и тени эмоций. Я смотрела как зачарованная, одновременно поражаясь и ужасаясь потоку лицемерия из уст этой чревоушательской куклы. Насчет даты побега – вранье чистой воды. Вот почему они столько дней молчали – думали, что сказать.

– Эти паранормалы совершили ряд чудовищных правонарушений, с такими злодеяниями я еще не сталкивался за годы службы в архонте. Нельзя допустить, чтобы негодяи оставались на свободе и творили свои черные дела. Призываю вас, граждане Лондона, оказать максимальное содействие в поимке преступников. Если вы заметили признаки паранормальности у соседа или у самого себя, немедленно обратитесь к легионерам. Снисхождение гарантируется.

Меня словно парализовало. «Бежать, бежать», – билось в голове, но ноги приросли к полу.

– Уже установлены личности пяти преступников. По мере поступления новой информации вас уведомят дополнительно. На время розыскных действий в лондонской цитадели Сайена вводится режим чрезвычайного положения. Благодарю вас и всех тех, кто способствует поддержанию естественного правопорядка. Общими усилиями мы очистим город от чумы. Помните: Сайен был и остается самым безопасным местом на земле.

Инквизитор исчез с экрана.

Замелькали фотографии беглецов. Механический голос за кадром сообщал персональные и криминальные данные на каждого. Первым шел Феликс Самуэль Комс. Вторым – Элеонор Наид. Третьим – Майкл Рен. Четвертой – Иви, только имя, без фамилии. На снимке хиромантка была еще с ярко-голубыми волосами. Судя по размытому заднему плану, снимок брали не из официальной базы данных Сайена, для которой всех щелкали на фоне стерильно-белых стен.

И наконец, под номером пятым значился самый опасный злоумышленник, враг народа – я.

Альфред сориентировался мгновенно. Не мешкая, чтобы прочитать список моих злодеяний или сверить фото с оригиналом, он подхватил наши пальто и решительно повел меня к выходу. Когда публика в кофейне отмерла, нас уже и след простыл.

– В этом районе тебя сдадут с потрохами, – торопливо говорил Альфред на ходу. – Ценой твоей жизни балаганщики и попрошайки купят себе помилование. Джексон сумеет тебя спря-

тать, – размышлял он вслух, не обращаясь ко мне, – но попасть в Четвертый Первой будет непросто.

– Я и не собираюсь...

«Не собираюсь идти туда», – хотела сказать я, но осеклась. Похоже, другого выхода нет. Без защиты главаря мимов Сайен доберется до меня за считанные часы. Джекс – мой единственный шанс на спасение.

– Можно попробовать в обход по крышам, – неуверенно предложила я.

– Нет-нет! И думать забудь. Не прощу себе, если тебя поймают.

Во всем чувствовалась железная рука Наширы. Подавив яростную вспышку гнева, я застегнула пальто до подбородка и ослабила пояс, чтобы скрыть очертания фигуры. Альфред распахнул плащ. Терзаемая недоверием, я нехотя прильнула к спутнику, и тот спешно накрыл меня полкой.

– Не высовывай носа. На Граб-стрит нет камер, но едва выйдем отсюда, тебя вмиг опознают. – Альфред раскрыл зонт и двинулся по улице, стараясь ничем не выдать нервозности.

Каждый шаг уводил нас все дальше от телеэкрана и приближал к Севен-Дайлсу.

– Кто там у тебя, Альфред? – окликнула его дремавшая у кофейни прорицательница.

– У меня... э-э... да так, ничего особенного, старушка. – Альфред поплотнее закутал меня плащом. – Извини, тороплюсь, но ты забегай утром на чашечку чая, хорошо?

Не дожидаясь ответа, он засеменил вперед. Я едва поспевала за ним.

Мы нырнули в арку. Здесь заканчивалась Граб-стрит и начинались владения I-5. Ночной воздух звенел от холода, но на улицах царил необычайное оживление. Люди высыпали из домов и кислородных баров и теперь толпились у телебашен. Даже не заглядывая в ауры, среди собравшихся легко было узнать ясновидцев по невообразимому ужасу в глазах. Толпа неслась мимо нас по направлению к небоскребу «Лодердейл», где на громадном экране рефреном повторялось обращение инквизитора. Отблески ночной иллюминации падали на лицо Фрэнка Уивера.

Из баров и распахнутых окон несло:

– Уивер! Уивер!

Какофония голосов сливалась в ледящий кровь вопль:

– УИВЕР!

Лабиринты обступали стеной, давили. При соприкосновении с прохожими мне передавались их эмоции, страхи; в глазах рябило от аур. Паранормал. Невидец. Паранормал. Целая вселенная невидимых цветов. Едва в потоке человеческих тел образовалась брешь, Альфред увлек меня в пивную, где я сумела утомонить разбушевавшееся шестое чувство. Мой спутник тем временем вытащил из кармана платок и вытер взмокший лоб.

Вдали от толпы на меня снизошло удивительное спокойствие. Мало-помалу я абстрагировалась от эфира, сосредоточившись на себе, на своем сбившемся дыхании и учащенном пульсе.

Наконец людская масса схлынула и мы снова двинулись в путь.

– Провожу тебя до перекрестка, оттуда сама доберешься до Севен-Дайлса, – распорядился Альфред, волоча меня за собой.

– Ты не должен так рисковать...

– Прикажешь бросить тебя на произвол судьбы? Чтобы Джекс голову мне потом оторвал? – Он неодобрительно прищелкнул языком. – Разве так поступают с поделницей нашего славного главаря мимов?

Мы двигались закоулками, стараясь держаться подальше от оживленных улиц и телебашен. И все время наращивали темп. Совсем скоро архонт прервет трансляцию и преданные граждане начнут метаться по городу в поисках беглецов. Мне часто приходилось слышать про зверства, творящиеся в «красном» режиме ЧС.

До пересечения секторов оставалось рукой подать. Альфред пыхтел как паровоз. Я так торопилась добраться до цели, что проглядела враждебную ауру, а когда заметила, было уже слишком поздно – путь нам преградила легионерша.

Мощный удар в живот отбросил меня к стене. При взгляде на противницу, целившуюся из «узи», мною овладел панический ужас.

– Подъем, паранормалка. На ноги, живо!

Стараясь не делать резких движений, я встала.

– Замри! – рывкнула легионерша на Альфреда, хотя тот вообще не шелохнулся. – Руки вверх.

– Прошу прощения, мадемуазель. Боюсь, произошла ошибка, – начал Альфред. Несмотря на одышку, улыбка у него получилась искренней. – Мы как раз шли к инквизитору...

– Руки вверх!

– Ладно, ладно, – повиновался Альфред. – В чем наше преступление, помимо того, что мы заблудились?

Легионерша не удостоила его ответом. Глаза изучали нас из-под забрала шлема. Зрячие глаза. Я застыла как вкопанная.

– Прыгунья! – внезапно выдохнула она.

В тоне не было и намека на алчность. Ничего общего с теми двумя подземщиками, которые предвкушали награду за поимку обладателя красной ауры.

– На колени! – велела легионерша. – На колени, паранормал!

Я моментально подчинилась.

– Оба! – набросилась она на Альфреда.

Тот не без труда опустился на мостовую.

– Руки за голову.

Мы побоялись протестовать.

Легионерша отступила на шаг, но алая точка прицела по-прежнему маячила на уровне моего лба. Мой взгляд уперся в черное дуло. От эфира меня отделял лишь палец на спусковом курке.

– Маскировка тебя не спасет. – Легионерша сорвала шляпу, скрывавшую мою блондинистую шевелюру. – Отправишься прямиком к инквизитору. Сдам тебя с потрохами, убийца!

Я не рискнула возразить. Вдруг ей известно про умерщвленных мною подземщиков? Вдруг она выезжала на место преступления и видела второго стражника, сошедшего с ума и молящего о смерти?

Удовлетворенная моим молчанием, легионерша потянулась за рацией. Я украдкой покопалась на Альфреда. К моему вящему изумлению, он подмигнул, словно его каждый день задерживали посреди улицы.

– Думаю, мы сумеем договориться, – обратился он к женщине, шаря по карманам. – Вы ведь сиотомантка? Уверен, вас это заинтересует. – Альфред вынул золотую плошку размером с кулак и выразительно поднял брови.

– Говорит пятьсот двадцать первый, – проговорила в рацию легионерша, проигнорировав подношение. – Срочно пришлите подкрепление в Пятый Первой, восточная Саффрон-стрит. Подозреваемая номер один задержана. Повторяю, Пейдж Махоуни задержана.

– Брось, гадательница, – вклинилась я. – Ты ведь из наших, и тебе нужны нумы. А болтовню по рации на хлеб не намажешь.

Дуло автомата снова уставилось на меня.

– Заткнись, пока не схлопотала пулю.

– Когда тебя саму пустят в расход и как? – напирала я. – Повесят, кольнут «азотиком»?

– Говорит пятьсот пятнадцатый. Подкрепление выслали, ждите.

– Прикуси язык, иначе ноги переломаяю, – предупредила легионерша. – А то ты у нас знатная бегунья. – Она сняла с пояса наручники. – Вытяни руки, иначе и их сломаю.

Альфред нервно сглотнул. Женщина схватила меня за запястья и повернулась к нему:

– Взяткой тут не отделаешься. Вот доставлю ее к инквизитору и смогу купить все, что душе угодно.

У меня потемнело в глазах. Из носа легионерши потоком хлынула кровь. Та потянулась вытереть и уронила наручники. В ту же секунду мой фантом ворвался в ее тело.

Лабиринт соперницы походил на большую картотеку, залитую слепящим белым светом. Обстановка выдавала в хозяйке человека аккуратного и дотошного. Каждая мысль и воспоминание были упакованы в стерильный контейнер. При таком раскладе легко разграничивать работу и свою ясновидческую сущность. Цветовая палитра поражала скудностью и блеклостью – краски сильно потускнели от регулярного самобичевания. В темноте абиссальной зоны притаились страхи в виде размытых фигур других ясновидцев и злобных паранормалов.

Я успела лишь порадоваться, прежде чем полностью захватила чужую сущность.

Мое тело теперь ощущалось совершенно иначе. Сердце билось размереннее. У моих ног распростерся собственный труп. Пейдж Махоуни лежала на земле бледная как полотно, а Альфред тряс ее изо всех сил.

– Очнись, голубушка! Ну же! Нет, не умирай!

Мною овладел ступор. Я была не я. Мои пальцы стиснули рацию, весившую, казалось, целую тонну. Наконец удалось поднести ее к губам.

– Говорит пятьсот двадцать один. – Голос звучал невнятно, еле-еле. – Подозреваемая скрылась. Направляется в Шестой Первой.

Ответ доносился как сквозь вату. Серебряная пуповина тянула меня обратно. Глаза соперницы отчаянно не желали различать предметы, тело сопротивлялось вторжению. Меня она воспринимала как паразита, как пиявку на своем лабиринте.

Внезапно мой фантом выбросило назад. Разлепив веки, я рывком села и едва не столкнулась лоб в лоб с Альфредом. Горло саднило, лицо заливал пот. Альфред похлопал меня по спине. Я закашлялась и принялась ловить ртом воздух.

– Святые небеса!.. Пейдж, ты в порядке?

– Да, – просипела я, не покривив душой.

Правда, голова раскалывалась, словно в виски ввинтили шурупы, но в целом было терпимо.

Легионерша в беспамятстве распростерлась на мостовой, из ушей, носа и рта лилась кровь. Я вытащила ее револьвер из кобуры и прицелилась.

– Не стреляй, – попросил Альфред. – Эта несчастная тоже ясновидица. Пусть и предала своих.

– Не буду. – Виски ломило, при взгляде на залитое кровью лицо к горлу подступила тошнота. – О случившемся ни слова, Альфред. Даже Джексу.

– Понимаю, – кивнул тот, хотя на самом деле ничего не понимал.

Носком сапога я выбила рацию из скрюченных пальцев женщины и с чувством раздавила. Поколебавшись, присела рядом с поверженной соперницей и проверила пульс на шее. Есть! Меня затопила волна облегчения.

– Севен-Дайлс совсем рядом, сама доберусь, – заявила я, поднимаясь.

– Разумеется. Кто рискнет спорить с дамой, одним взглядом вызывающей кровотечение! – Альфред выдавил кривую улыбку, но руки предательски тряслись. – Держись в тени и не зевай по сторонам, – напутствовал он и резво двинулся прочь, прикрываясь зонтом.

Я зашагала в противоположном направлении, петляя по закоулкам и выискивая возможность забраться на крышу. По пути к вокзалу мне встретила толпа, пришлось резко сворачивать и дальше красться по задворкам станции Холборн. От ледяного ветра синяки на лице

нешадно ныли, но я упорно шла вперед и остановилась только у асфальтированной площадки на Стакли-стрит, где Ник учил меня, семнадцатилетнюю, драться и лазить по крышам. Здесь была уйма мусорных баков, пологих стен и заброшенных помещений. Сдирая кожу с ладоней, я подтащила огромный бак к ближайшей стене, вскарабкалась на него и дотянулась до водостока. Оттуда, цепляясь за желоб, – на плоскую крышу. Давно потерявшие гибкость мышцы нестерпимо болели.

Когда на горизонте замаячил родной сектор, я уже совсем выбилась из сил и обливалась потом. Первой в глаза бросилась колонна с семью солнечными часами, багровой громадой выступившая из тумана. Очутившись у нужного дома, я заколошматила в дверь:

– Джексон!

В окнах не горел свет. Если в логове никого, идти мне некуда. Однако в воздухе отчетливо ощущалось присутствие лабиринта. Я огляделась – ни одного ясновидца поблизости. Севен-Дайлс будто вымер, даже кислородные бары пустовали, хотя Фрэнк Уивер продолжал свой монолог на Пикадилли, где размещался главный телеэкран I-4.

Неужели Джекс решил наказать меня? Ведь я все еще его подельница. Его странница. Он не может бросить меня на произвол судьбы.

Или может?

Меня охватила паника. Ноги подкашивались от страха.

Внезапно дверь распахнулась и на порог упал прямоугольник света.

6 Севен-Дайлс

Переступив порог логова, я едва не рухнула на пол. Сильные руки подхватили меня, помогли преодолеть лестничный пролет и усадили в кресло. Из носа текло, уши болели, щеки пылали, как после ожога. Когда меня немного отпустило, я смогла рассмотреть своего спасителя.

– Ты вся синяя, – объявила Даника.

У меня вырвался смешок, больше похожий на хрип.

– Нет, серьезно. По-моему, у тебя гипотермия.

– Извини, – пробормотала я.

– У нее гипотермия, и она еще извиняется.

– Ага. – Непослушными пальцами я принялась расстегивать сапоги. – Спасибо, что впустила.

Логово было заполнено мраком – горела единственная лампа на шкафу, сквозь плотно задернутые шторы не проникал ни один луч, но зато в воздухе разливалось умиротворяющее тепло. Похоже, кто-то наконец починил бойлер.

– Где остальные? – спросила я, испытывая странное дежавю.

– Ищут тебя. Надин видела экстренное включение, когда возвращалась с юдифиона.

– Джексон тоже отправился на поиски?

– Ага.

Может, ему и в самом деле не наплевать. Джексон всегда брезговал рутинной работой («Я ведь главарь мимов, лапушка, а не мим на побегушках»), а тут вдруг сам ринулся разыскивать меня сломя голову. Даника уселась на табурет и придвинула к креслу хорошо знакомый агрегат.

– Вот, подыши. – Она сняла с баллона кислородную маску и протянула мне. – А то от твоей ауры выть хочется.

Я прижала маску к лицу и сделала глубокий вдох. «Страх – главный твой двигатель», – внушал мне Страж, а уж он как никто понимал в призрачных странствиях.

– Как твоя голова? – спохватилась я, глядя на Данику.

– Сотрясение. – Она повернулась в профиль, продемонстрировав длинную ссадину над глазом, зашитую хирургическим швом.

– Но сейчас все хорошо?

– Довольно неплохо, учитывая черепно-мозговую травму. Нику даже пришлось наложить швы.

– А на работу ты попала в тот день?

– Конечно, иначе они бы непременно что-то заподозрили. Наутро я была как штык.

– С сотрясением мозга?

– Разве я не говорила, что в моем деле мне нет равных? – усмехнулась Даника.

Я снова припала к маске. Даже с пробитой головой Даника Панич стоила больше всех местных инженеров, вместе взятых.

– Надо выключить свет внизу. Джек объявил военное положение. – Она поднялась. – Ничего не включай.

Едва Даника скрылась за дверью, я уловила колебания в эфире. Питер Клас, любимый художник Элизы, посылал мне укоризненные сигналы.

– Привет, Питер, – поздоровалась я.

Тот демонстративно промолчал, поскольку терпеть не мог, когда люди вдруг исчезали без предупреждения.

На лестнице возникла Даника.

– Пойду в мансарду. Можешь пока допить мой кофе.

Мне наконец удалось согреться. Прихлебывая чуть теплый кофе, я умиротворенно разглядывала знакомую обстановку. В зеркале отразилось мое лицо; кожа вокруг рта приобрела пугающий серый оттенок. Серыми были и кончики пальцев.

В воздухе витала смесь тяжелых ароматов табака, краски, лигнина, канифоли и растворителя. Первый год работы на Джекса я провела здесь, за столом, изучая историю Лондона и его призраков, штудирова «Категории паранормального», сортируя вырезки из газет, добытых на черном рынке, и составляя списки ясновидцев, зарегистрированных в I-4.

Скрежет ключа в замке заставил меня содрогнуться. По ступенькам застучали сапоги, дверь распахнулась, и на пороге возникла Надин Арнетт. При виде меня она застыла как вкопанная. Пока мы не виделись, Надин успела коротко остричь волосы, теперь они едва прикрывали уши.

– Вау! – воскликнула она, швырнув пальто на спинку кресла. – Мы с ног сбились, разыскиваем ее по всему сектору, а она тут, кофеек попивает. Ну и где ты шлялась, Махоуни?

– На Граб-стрит.

– Могла бы подать нам весточку. А почему сразу не вернулась в логово?

От необходимости отвечать меня избавил шум на лестнице, и в комнату влетел запыхавшийся Зик.

– Ее нигде нет! – выпалил он. – Передай Элизе, что мы будем искать...

– Не будем, – перебила его Надин.

– Что? Почему?

Та молча посторонилась. Зик без лишних слов стиснул меня в объятиях, чем удивил до крайности, поскольку особой дружбы между нами никогда не было.

– Пейдж, мы так волновались! Где тебя носило?

– У Ника, – ответила я, поочередно обводя брата с сестрой взглядом. – Спасибо вам огромное, что не бросили в беде.

– Тебя бросишь, – буркнула Надин, расстегивая сапоги. На плече у нее красовался огромный рубец, кожа вокруг напояла сплошной синяк. – Джекс, как вернулся из Оксфорда, только и причитает: «Где моя поделница, куда подевалась? Надин, ступай и разыщи ее, да поживее!» Радуйся, что он мне платит, иначе и шагу бы не сделала.

– Перестань, – оборвал ее Зик. – Ты тоже места себе не находила.

Надин никак не отреагировала на реплику брата и молча зашвырнула в угол сапоги.

– Вы что, разделились для поисков? – спросила я, косясь на пустой дверной проем.

– Ага, – кивнул Зик. – Слушай, Ди, Джекс вроде велел затаиться?

– Велел, но можешь расслабиться – мы теперь носа за порог не высунем. – Надин осторожно выглянула на улицу. – Вы пока поспите, а я подежурю.

– Сама подежурю, вы отдыхайте, – предложила я.

– У тебя видок, будто вот-вот коньки отбросишь. Лучше вздремни.

С кресла вставать не хотелось. Меня разморило от тепла, но нужно было держать ухо востро – вдруг придется убежать.

Распахнув дверцы шкафа, Зик откинул кровать-альков (по крайней мере, так ее называл Джекс; по мне, она больше походила на комод) и, усевшись на стеганое одеяло, принялся стаскивать ботинки.

– Где Ник? Работает?

– Думаю, он сейчас на Граб-стрит, – пожала плечами я.

– Я пробовал до него дозвониться. – Зик помешкал. – Как считаешь, он на подозрении?

– Если не дал повода, то нет.

Повисла пауза. Зик вытянулся на одеяле и, прикрыв одну дверцу, стал разглядывать приклеенные к ней фотографии и постеры. В основном там были музыканты из свободного мира,

на одном из снимков брат с сестрой в ярких нарядах стояли в каком-то баре и улыбались во весь рот. И все, больше никаких фотографий родственников или друзей. Надин заняла пост у окна, положив руку на револьвер.

Я включила маленький телевизор в углу. Джекс терпеть не мог, когда мы пилились в ящик, но сам любил быть в курсе происходящего. С одной половины экрана зрителям улыбалась Скарлет Берниш, с другой – вещала корреспондентка, стоявшая у главных ворот Тауэра. Ее алый плащ раздувался под порывами ветра.

– ...Как сообщает подразделение «Щит», заключенным удалось бежать благодаря паранормальным способностям Феликса Коба, которые тот применил к ничего не подозревавшему новобранцу.

– Неудивительно, – кивнула Берниш. – Бедолаге можно лишь посочувствовать. Спасибо нашему обозревателю с места событий. Теперь поговорим о самой отъявленной злоумышленнице – Пейдж Еве Махоуни, уроженке Ирландии, эмигрировавшей из южной провинции инквизиторского региона Пейл. – Крупным планом показали карту с отметкой региона. – Махоуни обвиняется в убийстве, государственной измене, подрывной деятельности и уклонении от ареста. Слово предоставляется известному сайенскому парапсихологу доктору Мюриэлу Рою, специалисту по паранормальным отклонениям. Доктор Рой, вы полагаете, именно Пейдж Махоуни организовала побег? Она почти двадцать лет прожила с отцом, который все эти годы ни о чем не догадывался. Налицо случай крайнего лицемерия, согласны?

– Абсолютно, Скарлет. Более того, по результатам долгосрочного сотрудничества с доктором Махоуни могу добавить, что принадлежность дочери к паранормалам стала для него настоящим шоком...

Тут включили короткое видео, как отец выходит из комплекса «Голден лейн», прикрываясь датапэдом. Мои пальцы впились в подлокотники кресла. Говоря про отца, Берниш называла его настоящим именем, корча недовольную физиономию всякий раз, когда произносила по слогам: «Кой-лин О’Ма-ту-на». По приезду в Англию он адаптировал неудобоваримое «Койлин О’Матуна» в «Колин Махоуни», а меня из «Ифы» превратил в «Еву», но мисс Берниш не отличалась щепетильностью: подчеркивая наши ирландские корни, она целенаправленно выставляла отца аутсайдером, чужаком. У меня потемнело в глазах.

Всю жизнь отец держался отчужденно. Лишь в день ареста он вдруг проявил заботу, предложил приготовить завтрак, вспомнил мое детское прозвище. Тогда, в кофейне, он выглядел по-настоящему несчастным и буквально цеплялся за свою соседку. Но для того чтобы избежать обвинений в укрывательстве паранормала, ему придется публично отречься от меня. Отречься раз и навсегда.

Возненавидел ли он меня или винит в произошедшем Сайен?

От остального пространства комнаты кровать отделяла прозрачная занавеска. Слева у изголовья было окно с деревянными ставнями, выходившее в живописный дворик. За занавеской стояли «волшебный фонарь», генератор белого шума и проигрыватель в кожаном футляре – все это создавало нужную атмосферу для призрачных странствий. Книжная полка напротив двери была сплошь уставлена ворованными сувенирами и вечными «спутниками» моих путешествий: болеутоляющими, снотворным, адреналином.

Меня разбудило обострившееся шестое чувство. Сквозь пелену проступили очертания моей старой комнаты с алыми стенами и расписанным звездами потолком. Из полумрака на меня смотрел Джексон.

– Только поглядите. Солнце встало, странница нам на голову упала. – Он сидел в кресле, одетый в парчовую пижаму, и ухмылялся. – Мне всегда нравилась эта комната, – снова заговорил он после короткого молчания. – Тихо, уютно. Идеальная атмосфера для моей дорогой поделницы. Так, значит, тебя привел Альфред?

- Вроде того.
- Мудрейший человек. Сразу сообразил, что к чему.
- Не знаю, что он там сообразил.

С минуту мы изучали друг друга. За четыре года совместной работы мне ни разу не приходилось вот так сидеть и смотреть на босса. Белый Сборщик, Король Жезлов, сделавший меня своей единственной преемницей и даровавший безоговорочное уважение людям многим старше. Человек, забравший меня из дома и укрывший от вездесущего ока Сайена.

– Лучше поздно, чем никогда. – Джекс уселся поудобнее, закинув ногу на ногу. – Устроим запоздалый тет-а-тет. Мы с тобой слишком разные, Пейдж. Все время забываю, что тебе двадцать – пора, когда голову пьянит сладкая амброзия независимости. В твоем возрасте из близких у меня был только Альфред. Больше никого – ни главаря мимов, ни друзей, с кем можно поговорить по душам. Занятная ситуация, учитывая, что свою жизнь я начал под пристальным взором кумы.

– Ты рос беспризорником?

– Удивлена, лапушка? Моих родителей повесили, едва мне стукнуло четыре года. Думаю, они были людьми недалекими, иначе не попались бы так глупо. С их смертью я остался один-одинешенек, без гроша в кармане. Не мог позволить себе ни шмоток, ни качественных фантомов. Вот такие дела, дорогая поделница.

Кума учила меня воровать у невидцев. Работала вместе с двумя подручными, втроем они шефствовали над восемнадцатью побирушками. Все, что мне удавалось заработать, перекочевывало в карман кумовьям. Взамен меня изредка кормили. Я всегда мечтал поступить в университет, стать ученым, но эта троица откровенно потешалась над моими чаяниями. На пальцах объяснили, что в школу мне не попасть – ни сейчас, ни потом. Воровать часы и датапэды – вот мой удел. Образование – штука дорогая. И потом, я же паранормал, ничтожество. Однако в двенадцать лет у меня проснулся странный зуд. Зуд вот здесь. – Джексон коснулся руки, словно по-прежнему ощущал невыносимое покалывание.

Он не расставался с длинными рукавами. Правда, мне довелось увидеть спрятанные под ними шрамы – белые рубцы, испещрившие кожу от запястья до локтя.

– Я чесался до крови. Чесался так, что ломал ногти. Царапал лицо, ноги, грудь. Кума живо спровадила меня на улицу кланчить, рассудив, что мои раны растопят сердца прохожих. Ее расчет оправдался – мне никогда столько не подавали, как в период чеса.

– Извращение какое-то, – буркнула я.

– Это Лондон, детка. – Джексон побарабанил пальцами по колену. – К тому моменту, когда мне исполнилось четырнадцать, ничего не переменялось, разве что мои преступления стали носить более серьезный характер. И все это – за кусок хлеба и глоток воды. Но меня сжигала лихорадка, жажда независимости, мести и... эфира. Будучи зрячим, я тогда не понимал природы своего дара. Мне казалось, что если сумею понять, то смогу сам зарабатывать на жизнь: предсказывать судьбу по руке или на картах, как балаганщики из Ковент-Гардена. К слову, даже они смеялись надо мной, – вспоминал Джекс с улыбкой, но мне было не до смеха. – В один прекрасный день я не выдержал. Сломался, как кукла, брошенная на мостовую. Стояла зима, было адски холодно. Я валялся на земле в Шестом Первой, рыдал и чесался до иступления. И никто мне не помог – ни паранормалы, ни невидцы. – Он говорил монотонно, словно рассказывал сказку на ночь. – Мне хотелось вопить во всю глотку, хотелось признаться миру в своей паранормальности. Хотелось умолять ДКО, чтобы забрали меня в Тауэр, в Бедлим, да хоть к черту в ад! Но вдруг какая-то женщина склонилась ко мне и прошептала: «Вырежи имя давно усопшего, дитя». Прошептала и исчезла.

– Кто это был? – насторожилась я.

– Та, кому я обязан по гроб жизни, лапушка. – Бледные глаза Джекса смотрели вдаль. – На моей памяти не было давно усопших – только те, кому я желал смерти, – поэтому мне

пришлось преодолеть путь в четыре мили до монастырского кладбища. Прочсть имена на могилах я не мог – не знал грамоты, – но зато мог скопировать надписи. Правда, вырезать имя поначалу побоялся. Просто выбрал могилу, проколол себе палец и кровью вывел на руке буквы. Стоило дописать последнюю, как рядом со мной возник фантом. На кладбище я провел длинную, кошмарную ночь, чувствуя, как пляшут на надгробиях духи. А когда очнулся, зуд исчез.

В моем сознании возник расплывчатый образ: маленькая девчушка бредет по маковому полю, а после – слепящая лихорадочная боль припадении полтергейста. Я была намного младше Джексона, когда мой дар проявился в полную силу, но не могла разгадать его природу до знакомства с боссом.

– Я вырезал имя духа на теле, и тот научил меня читать и писать. Затем мне удалось продать помощника за скромное вознаграждение, которого хватило, чтобы есть от пуза целый месяц, – вспоминал Джекс. – Я ненадолго вернулся к кумовьям – хотел обкатать свой дар, но в итоге мы распрощались.

– И они не устроили на тебя охоту?

– Охоту на них устроил я.

Мне оставалось лишь гадать, какой жуткой смертью умерли кумовья. Не зря Альфред упомянул о буйной фантазии друга.

– Обретя свободу, я занялся изучением паранормального. И выяснил свою истинную сущность. Сборщик.

Джексон внезапно поднялся и подошел к запрещенной картине Уотерхауса, изображавшей двух сводных братьев – Сон и Смерть, прикорнувших плечом к плечу на кровати.

– Своим рассказом я хочу донести до тебя, что все понимаю. Понимаю, каково это – бояться собственных сил. Служить сосудом для эфира. Не доверять самому себе. Добавь сюда неумную тягу к независимости. Но я не кум, а главарь мимов, и довольно лояльный. Тебе платят за услуги. Дают кров. Все, что мне нужно, – повиновение. Согласись, такое желание типично для любого главаря.

Понятное дело, все могло быть куда хуже. Достаточно послушать Элизу. Мне еще очень повезло с боссом. Джексон обернулся и снова посмотрел на меня:

– В Оксфорде я слегка погорячился. Уверен, ты тоже. Вряд ли ты всерьез намерена покинуть Севен-Дайлс.

– Мне хотелось помочь другим ясновидцам. Уж ты-то должен понимать!

– Разумеется, тебе хотелось им помочь, с твоей-то самоотверженностью. Вероятно, я слишком пекся о твоём благополучии и напрочь забыл про остальных. С моей стороны было свинством так насаждать на тебя. Конечно, ты вправе на меня злиться. – Он нежно коснулся моей щеки. – Никогда не отдам тебя этим упырям с Джейкобс-Айленда. Ни один спланхномант не посмеет дотронуться до моей странницы, обещаю.

– Ты действительно пытался меня разыскать? После моей пропажи?

Джекса мой вопрос явно покорибл.

– Конечно пытался. Считаешь меня совсем бессердечным? В понедельник ты не явилась, и я бросил лучшие силы на твои поиски. Даже подключил этих недоумков Марию и Дидьена. Правда, пришлось ловчить, чтобы информация не попала в загребушие лапы Гектора, поэтому операция проходила под грифом «совершенно секретно». Но мы не сдавались, честное слово. Я бы скорее стал побирешкой, чем позволил Сайену захватить мою странницу. – Фыркнув, он выставил на тумбочку два стакана. – Вот, выпей. Зеленая фея враз избавит от всех недугов.

– Это же твой НЗ!

– Сегодня особый случай.

В стаканах плескался абсент. Тонкие пальцы Джексона проворно смешивали ингредиенты, добавляли сахар, воду. От его манипуляций жидкость вскоре приобрела молочный отте-

нок. В Сайене лишь единицы переносили крепкий алкоголь, но меня с моими ранами перспектива похмелья мало пугала. Я потянулась за стаканом:

– Ты встречался с Антуанет Картер. Ну, в тот день, когда Ник меня подстрелил. Зачем?

– С месяц назад в Ковент-Гардене я наткнулся на старые записи ее выступлений и очень заинтересовался ее даром. Через посредников на Граб-стрит, которые печатают опусы дамы, связался с ней, но встреча не состоялась. – Джексон сделал изящный глоток. – Спасибо рефаитам – сунули свой нос куда не просили.

– Они сунут нос повсюду, если не дадим им бой. Нельзя позволить им и дальше устраивать Сезоны костей.

– Милая, с твоими лупоглазыми друзьями мы непременно разберемся, но чуть позже. Пусть пока забавляются и дергают за ниточки.

Мне с большим трудом удалось сдержаться, чтобы не рывкнуть на него.

– Нужно предупредить Синдикат. Через два месяца внедрят «Экстрасенс». Если не объединимся...

– Пейдж, Пейдж, угомонись. Очень ценю твой энтузиазм, но позволь напомнить, что мы не вольные стрелки, а «Семь печатей». У нас есть ряд обязательств перед родным сектором и Лондоном. Как члены Синдиката, мы должны защищать свою вотчину. Вот наша главная и единственная задача.

– Если рефаиты нагрянут сюда, кодекс не поможет. Мы живем в паутине их лжи.

– На этой лжи держится весь Синдикат. И возник он лишь благодаря ей. Тебе не под силу изменить естественный порядок вещей.

– Но ты же смог, – возразила я. – Своим памфлетом.

– Это совсем другое дело. – Джексон взял меня за руку. Его ладонь была ухоженной и мягкой, в отличие от моей, сплошь покрытой ссадинами и мозолями после вояжей по крышам и бесконечной возни с оружием. – Именно поэтому я запретил вам ввязываться в долгосрочные отношения. Вы должны с полной отдачей трудиться на благо Четвертого Первой. А пока ты думаешь про рефаитов, о полной самоотдаче не может быть и речи. Время нынче беспокойное, нельзя, чтобы моя подельница думала о чем-то, кроме насущных проблем. Поняла?

В тот момент я понимала только, что хочу схватить Джекса за лацканы пижамы и тряхнуть как грушу.

– Нет, не поняла.

– Ничего, скоро поймешь. Время лечит любые раны.

– Я не отступлюсь!

– Если захочешь удержаться в Синдикате, отступишься как миленькая. – Он поднялся. – Пребывание вдали от «Семи печатей» пошло тебе на пользу – ты убедилась, что обладаешь задатками лидера.

Я постаралась ничем не выразить своего волнения.

– Задатки лидера? У меня?

– Не придируйся. Ты ухитрилась организовать восстание и сбежать из вонючей клетки, куда тебя засунули.

– Мне помогли.

– Скромность – тоже порок. Возможно, без друзей тебе пришлось бы туго, но там, на лугу, ты смотрелась королевой. Даже произнесла речь! А правильные слова, моя милая странница, решают все. Слова дают крылья даже тем, кто совсем отчаялся и утратил всякую надежду на спасение.

Жаль, сейчас у меня не было слов.

– Пейдж, сколько, по-твоему, мне лет?

Вопрос застал меня врасплох.

– Тридцать пять?

– Сорок восемь.

У меня отвисла челюсть, а Джек продолжал:

– У представителей пятой касты век недолог. Когда я отправлюсь в эфир, ты встанешь во главе Четвертого сектора Первой когорты. Из тебя получится знатная предводительница мимов: молодая, умная, потомок высшей касты с множеством преданных ясновидцев за спиной. Вся цитадель будет у твоих ног.

Перед глазами всплыла заманчивая картина: Бледная Странница, королева мимов I-4. Это здание станет моим. Все местные ясновидцы будут подчиняться мне.

Джек протянул руку:

– Мир? Забудем наше недопонимание и начнем все заново.

С моим статусом беглой преступницы, и вдобавок особо опасной, мне не обойтись без банды и влияния Белого Сборщика. В противном случае меня сдаст первый попавшийся балаганщик или попрошайка. Остальные же прикинутся, что меня не существует. Джексон – мой единственный ключ к Синдикату, а Синдикат – единственная сплоченная коалиция, способная противостоять Сайену. Молчать я не собиралась, но сейчас мне оставалось только принять условия игры.

Мы с Джексом пожали друг другу руки.

– Разумный выбор, – похвалил он.

– Надеюсь.

Его хватка усилилась.

– Подожди два года. Но до тех пор будешь моей поделницей.

У меня защемило в груди, кивок стоил огромного усилия воли. Джексон улыбнулся одними губами:

– Ладно, теперь обсудим твоё бедственное положение с остальными. – Приобняв меня за плечи, он направился к лестнице. – Нужно принять меры предосторожности, если мы и впредь хотим жить пауками в паутине Уивера. – Он забарабанил по потолку тростью. – Даника, бросай свои агрегаты и собирай моих голубков. У нас по плану совещание. Немедленно!

Не дожидаясь ответа, Джек повел меня в кабинет. Будуар, как он это называл. Плотные занавески на окнах не пропускали внутрь ни капли солнечного света. Позади кушетки высился шкаф, где под замком хранились ингредиенты для абсента. На книжной полке выстроились издания с Граб-стрит, за исключением творений Дидьена. В комнате пахло табаком и розовым маслом. Антикварная лампа с причудливым абажуром бросала цветные отсветы на ковер. Ощущение, словно шагаешь по драгоценным камням: аметистам, сапфирам, изумрудам, тигриным глазам, оранжевым гранатам, огненным опалам и рубинам. Джек уселся в кресло и закурил сигару.

Он велит мне все забыть. Пусть рефаиты и дальше разгуливают на свободе – всем плевать, кроме меня.

Даника с кислым видом вошла в кабинет. Вскоре к ней присоединились еще трое, понурые и уставшие. Завидев меня, Элиза ухмыльнулась:

– Так и знала, что ты вернешься.

– Не смогла удержаться.

– Духи привели ее обратно, медиум. Как я и предсказывал. – Джексон взмахнул рукой, отгоняя дым. – Садитесь, мои хорошие. Нам нужно многое обсудить.

Джексону сорок восемь! Невероятно. И ни морщины на лице, ни одного седого волоса в черной как смоль шевелюре.

– Начнем с зарплаты. Надин, это тебе. – Он с размахом вручил девушке конверт. – Ты славно потрудилась в Ковент-Гардене. Плюс небольшой бонус за продажу последнего духа.

– Спасибо, – коротко поблагодарила та.

– Твоя доля, Иезекииль. Ты как всегда был на высоте.

Зик с кривой улыбкой принял плату.

– Что до тебя, Даника, то деньги получишь, когда в твоей работе наметится прогресс.

– Ясно, – равнодушно бросила медиум.

– Ну и наконец, Элиза. Сокровище мое! – Джек протянул ей самый пухлый конверт. – За твою картину нам отвалили баснословную сумму. Твои комиссионные, как полагается.

– Спасибо. – Элиза спрятала конверт в карман юбки. – Постараюсь найти им хорошее применение.

Я силилась не смотреть на конверт в руках Зика, набитый драгоценными банкнотами. Вернулась бы к Джексу под крыло неделей раньше, сейчас тоже получила бы долю.

– Теперь к делу. Поскольку у нас под крышей обосновалась опасная преступница, предлагаю пробежаться по ЧС-протоколу. Конкретно, по вопросам отлучек в период «красного» режима. – Джексон стряхнул пепел с сигары. – Итак, перво-наперво избегайте лондонской подпольки. Если соберетесь в другой сектор, обращайтесь напрямую ко мне – сам организую частного.

– Пешком тоже нельзя? – насторожилась Элиза. – Даже недалеко?

– Только в самом крайнем случае. В пределах Синдиката использовать клички, за его пределами – прочие позывные. Избегайте улиц с камерами наблюдения – их перечень вам известен – и остерегайтесь беспроводных устройств слежения. Прикрывайте лицо всякий раз, выходя из логова. Не покидайте убежища, если нет острой необходимости.

– Значит, можно больше не участвовать в этих дерьмовых юдифионах, что проводит Дидьен? – обрадовалась Надин.

– Аукционы – вещь надежная, как и черный рынок. – Джек ласково погладил ее по руке. – Меня мутит даже от воздуха, которым он дышит, но это, как ты выражаешься, дерьмо приносит неплохую прибыль. И потом, наша драгоценная Пейдж вернулась и сама может участвовать в торгах. И параллельно выполнять свои функции подельницы.

– Верно, – насупилась Надин.

Я вопросительно подняла бровь. Смерив нас оценивающим взглядом, Джексон откинулся на спинку кресла:

– Теперь главное. Пик охоты придется на ближайшую пару недель. Потом постепенно сократим меры предосторожности.

– Джексон, – не выдержала я, – рефайтам известно, где мы живем. Они знают про тебя. По-моему, есть смысл разработать план отступления.

Звякнул фарфор – Элиза слишком резко поставила чашку на стол.

– Они пронюхали про логово?

Джексон закатил глаза. Упоминание рефаитов было ему явно не по душе, но меня это не смутило. Да, я согласилась сотрудничать, но нельзя же как страус прятать голову в песок!

– Их ясновидцы проводят сеансы, – продолжала я. – Там и всплыл образ колонны с солнечными часами. Рано или поздно рефаиты доберутся до нас.

– Да перестань! – Джексон поднялся. – В городе сотни таких колонн, не говоря уже о солнечных часах. Пускай охотятся. Скорее цитадель обратится в прах, чем мы покинем логово. Никакие сеансы не прогонят меня с собственной территории.

– Они жаждут заполучить тебя вместе с Антуанет. И скоро вновь попытаются это сделать.

– У меня есть дела поважнее разборок с кучкой чокнутых монстров. – Джексон схватил трость. – Но чтобы вам спалось спокойнее, идите за мной. Покажу вам кое-что.

Мы спустились по лестнице на первый этаж, где не было ничего, кроме огромного пыльного зеркала, велосипеда Зика и двери, ведущей на задний двор. Джексон кивнул на закуток под лестницей.

– Видите эти доски? – Для наглядности он постучал тростью. – Прямо под ними находится потайное убежище.

– У нас есть убежище? – нахмурилась Элиза. – Отходной путь?

– В яблочко.

– Почему мы впервые о нем слышим? После стольких лет? – справедливо возмутилась Надин.

– Меньше знаешь, крепче спишь, – парировал Джекс. – И потом, кто станет нас искать? Вы с братом официально числитесь покойниками, до остальных тоже никому нет дела. Точнее, не было до недавнего времени, – поправился он, глядя на меня. – Кстати, убежище я устроил только после внезапного рейда в сектор. Элиза и Пейдж должны помнить.

Еще бы не помнить! Нам тогда пришлось спешно эвакуироваться к Нику.

– Место укромное, лучше не придумаешь. Если нагрянет НКО, Пейдж сможет там отсидеться пару часов. Если же ситуация усугубится, в убежище есть потайной ход в туннель до Сохо.

Обнажив спрятанное в трости острие, Джексон приподнял доску. Открылся проем примерно шесть на девять футов.

– У меня мороз по коже, – призналась Элиза. – Тут можно хоронить живьем.

– Хорошо сказано, медиум. Ключевое слово здесь – «живьем». Живой – не мертвый, учтите. – Джексон вернул доску обратно. – Главное, придерживайтесь правил, и все будет в порядке. – Он щелкнул пальцами. – Теперь за работу. Пейдж, ты со мной.

Надин проводила меня злобным взглядом, но не успела я открыть рот, как она исчезла.

– Прибереги свои страшилки, милая, – мягко проговорил Джексон, запирая дверь в будуар. – Ребята не желают слушать рассказы про рефаитов.

– Они все, кроме Элизы, были в Первом Шиоле, – возразила я, стараясь держать себя в руках. – Видели собственными глазами.

– Им сейчас нельзя отвлекаться на ерунду. Пока в городе действует красный режим, нам всем грозит опасность. – Он стряхнул со стола бумаги. – Вернемся к нашим баранам. Сектор терпит большие убытки. Надин неплохо справлялась с ролью подельницы, но до тебя ей далеко. Ты в плане заработка самый настоящий талант. Если займешься аукционами, Надин со скрипкой отправится назад, в Ковент-Гарден.

– Вряд ли ей это понравится, – заметила я, усаживаясь в кресло.

– Она и раньше этим занималась. Разве не для того ее нанимали, чтобы балаганила?

– Конечно, – как можно спокойней ответила я. – Но кому понравится терять деньги? Ты ведь платил ей по моей ставке?

– Тебя же не было, – возразил Джексон с таким видом, словно его спросили: а правда ли трава зеленая? – Она заклинательница, Пейдж. Музыка для нее сродни нумам. – Порывшись в столе, он вытащил свиток, завязанный миниатюрным подобием галстука-бабочки. – Держи. Это приглашение на следующий юдифион. Уверен, Дидьен будет безумно рад тебя видеть.

Я сунула приглашение в карман.

– Мне казалось, ты против того, чтобы мы высывались на улицу.

– Пейдж, наши доходы упали. Если не желаешь сидеть и смотреть, как деньги утекают, точно вода через решето, иди работать.

– Теряешь хватку, Джекс?

– Глупышка, никогда не вини своего главаря мимов в чужих неудачах. Финансовый кризис возник по ряду причин, от меня не зависящих. Во-первых, задержали парочку наших самых доходных балаганщиков – расслабились, идиоты! Только не обижайся, куколка, к тебе это не относится. Сразу два заведения перестали платить ренту. И в довершение всего вместе с тобой мы потеряли целую статью дохода, моя ходячая камера наблюдения за духами. – Джексон открыл шкаф и начал придиричливо разглядывать батарею склянок. – И последнее: тебе нельзя разгуливать по городу в таком виде.

– В каком?

– В своем. Твои волосы слишком бросаются в глаза. Вот тебе подручные средства. – Он вручил мне бутылочку и коробку. – Стань невидимкой.

7

Под маской

– Кто предложит сто?

В алькове горела свеча – единственный источник света в подземном склепе. Пламя дрожало на сквозняке, капал расплавленный воск под неусыпным взором каменного ангела с обломками крыльев. Я сидела, закинув ноги в сапогах на обитую бархатом скамеечку, рука покоилась на спинке соседнего кресла. Через пару секунд взметнулась карточка.

– Сто от Третьего сектора Четвертой когорты.

Дидьен приложил ладонь к уху:

– Вы сказали двести?

В ответ – тишина.

– Не поскупитесь на сто пятьдесят, мои дорогие подельники и подельницы. Ваши главари и королевы мимов по достоинству оценят этот лот. Выведайте у сержанта его секреты и, кто знает, может, сумеете заполучить жертву Потрошителя. А вслед за жертвой, глядишь, и самого старину Джека.

Кто-то поднял табличку.

– Ага, вот и нашелся желающий! Сто пятьдесят от Пятого сектора Шестой когорты. Давно бы так, сэр. Дамы и господа, кто предложит двести? Ага, вижу. Что, уже триста? Благодарю, Третья когорта, Второй сектор.

Аукционы при свече всегда утомляли. Казалось, чертов фитиль никогда не погаснет. От скуки я наматывала на палец выбившуюся из блузки нитку, но едва прозвучало «четыреста», подняла свою табличку.

– Четыреста от... – Дидьен махнул в мою сторону молоточком. – Четвертый сектор Первой когорты. Да, все верно. Четыреста от Бледной Странницы. Или правильнее будет сказать – Пейдж Евы Махоуни?

На меня оглядывались. По спине побежали мурашки. Неужели меня так бесцеремонно сдали?!

– Будете нашим следующим лотом, мисс? – откровенно веселился Дидьен. – Если не ошибаюсь, в Сайене вы сейчас в цене.

Публика зашепталась. Меня бросило в пот. Дидьен Вэй только что рассекретил меня. Бледная Странница была личностью известной, но ее лицо и настоящее имя – нет. Некоторые члены Синдиката отреклись от прошлого, целиком уйдя в подпольный мир, но другие по-прежнему занимали важные посты в Сайене, поэтому скрывали свою личину под маской и псевдонимом. Я принадлежала к тем, кто вел двойную жизнь. Дабы не опорочить отца и не поставить под угрозу наши встречи, Джексон велел закутываться по самые брови в алый шейный платок.

Все же мне удалось оправиться и бойко парировать:

– Только если ты, Дидьен, будешь лично проводить торги!

Взрыв смеха заставил его скрежетать зубами.

– Увы, светлая память о моей дорогой усопшей Юдифи вынуждает отклонить столь щедрое предложение, – возразил пунцовый Дидьен. – Кстати, мисс, вы теперь точная копия своего главара мимов. Его, не побоюсь этого слова, доппельгангер. Неужели Белый Сборщик настолько нарцисс, что даже подельницу разукрасил по своему образу и подобию?

Под чутким руководством Джекса мои волосы приобрели оттенок воронова крыла, короткая стрижка открывала шею. Контактные линзы орехового цвета ничуть не походили на бледно-голубые глаза моего босса, но Дидьен не замечал подобных мелочей.

– Отнюдь нет, – усмехнулась я. – Уверена, Белый Сборщик в курсе, что его одного более чем достаточно для тебя, Дидьен. Как ни крути, ты ухитрился проиграть ему борьбу памфлетов.

Народ уже смеялся в открытую. Джек-Пружинки-на-Пятках заржал так, что Жемчужная Королева подпрыгнула в кресле. Дидьен аж почернел.

– Тишина! – рявкнул он и, запинаясь, пробормотал: – Я вовсю тружусь над новым памфлетом, который перечеркнет эти дрянные «Категории» раз и навсегда. Попомните мои слова...

Сидящий рядом со мной Джимми О'Гоблин отхлебнул из фляжки и зашелся в приступе хохота.

Кто-то из посредников похлопал меня по плечу.

– Вы и впрямь та девушка, за которой охотится весь Сайен?

Я скрестила руки на груди:

– Не понимаю, о чем ты.

– Мне слышалось «пятьсот»? – с достоинством проговорил Дидьен.

Из-за косых взглядов и шепотков я никак не могла сосредоточиться. Редко кого из Синдиката прилюдно рассекречивали. Дидьен видел меня однажды, год назад, и сейчас сдал с удовольствием. Что пугало по-настоящему, так это его нескрываемая ненависть.

Выставленный на торги фантом при жизни был Эдвардом Бэдхемом, сержантом знаменитого подразделения «Эйч», охранявшего закон и порядок в дни монархии и курировавшего район Уайтчепела. Подразделение, ставшее предтечей паранормальной полиции Сайена, основал лорд Солсбери после смерти королевы Виктории и признания ее сына паранормалом. Такой фантом мог вывести на самого Потрошителя. Устроившись в первых рядах, Джек-Пружинки-на-Пятках, Дженни Зеленка и Мария Огненная только успевали поднимать таблички. В торгах активно участвовал и Трясун, сурового вида подельник из II-6, не пропускавший ни единого аукциона, связанного с Потрошителем.

Пока таяла свеча, цена сержанта стремительно росла. Вскоре нас осталось шестеро потенциальных покупателей. Конечно, Джексон по праву считался богатейшим главарем мимов в цитадели, но горящая свеча на юдифионах не допускала жульничества. Фитиль вспыхнул и погас. Я подняла табличку, но в последнюю секунду взметнулась другая.

– Пять тысяч.

Все разом обернулись. Ставка исходила от Монаха, подельника из I-2. Лицо мужчины, по обыкновению, скрывал черный капюшон.

– Пять тысяч! Продано! – торжествующе объявил Дидьен, делая паузы чтобы подольше покрасоваться в напудренном парике и мешковатых брюках. – Свеча погасла, и дух сержанта Эдварда Бэдхема получает Аббатиса из Второго сектора Первой когорты. Мои глубочайшие соболезнования проигравшим.

Склеп наполнился проклятиями и сетованиями представителей менее богатых секторов. Я только фыркнула. Пустая трата времени, но зато вырвалась из логова на пару часов. Великан Трясун вскочил, опрокинув стул. Под сводами тут же воцарилась тишина.

– Прекращай цирк, Вэй! – загромыхал он. – Этот фантом принадлежит Шестому Второй. Как ты его достал?

– Как всегда, исключительно законным путем, – прошипел Дидьен. – Задумайтесь, сэр, почему я регулярно нахожу ваших духов на своей территории.

– Потому что ты чертов мант и мошенник!

– Вы можете чем-то подкрепить свои обвинения, сэр?

– Погоди, – последовал зловещий ответ, – вот разыщу Потрошителя, он докажет на твоей же шкуре.

– Надеюсь, это не угроза, сэр. – Распорядитель аукциона весь затрясся. – Я не потерплю таких разговоров в склепе покойной супруги. Юдифь никогда не допустила бы подобных оскорблений.

– А где дух твоей жены? – выкрикнул какой-то медиум. – Может, стоит пустить и его с молотка?

Дидьен посинел, как покойник. «Сэры» закончились, дело и впрямь принимало скверный оборот.

– Достаточно! – рявкнула предводительница мимов, вставая. Ее короткие огненно-рыжие волосы были уложены в стиле помпадур, в голосе слышался легкий болгарский акцент. – Вино-вата свеча, а не тот, кто ее зажег. Трясун, ищи своего Потрошителя на своей территории.

Ничего не ответив, тот пулей вылетел из склепа. За ним последовал Джек-Пружинки-на-Пятках, на ходу заливаясь своим фирменным безумным смехом. Дженни Зеленка удалилась, скрежеща зубами. Пока я натягивала плащ, Дидьен опрометью бросился за Монахом, но тот уже поднимался по лестнице.

Путь Вэю преградила молоденькая девушка.

– Дайте.

Ее рыжая коса была уложена в пучок и заколота гребнем в форме веера.

Дидьен безропотно протянул незнакомке квитанцию.

– Конечно, конечно. – Он почтительно поцеловал руку с золотым перстнем. – Передайте Аббатисе, пусть присылает сборщика в любое время.

Девушка обворожительно улыбнулась и спрятала квитанцию.

– Я прослежу, мистер Вэй, чтобы с вами рассчитались на днях.

Похоже, Аббатиса не бедствовала, как и большинство предводителей мимов, но мало кто мог вот так отстегнуть пять кусков за фантома.

– Бледная Странница! – окликнула меня рыжая предводительница мимов.

Я приложила три пальца ко лбу, как того требовали традиции Потустороннего совета.

– Мария Огненная.

– Ты изменилась, Странница. Хотела бы сказать, что давненько тебя не видела, но твои фотографии висят в городе на каждом углу.

– Каюсь, сбежала из Тауэра. – Я закинула на плечо рюкзак. – Не знала, что ты такая фанатка Потрошителя.

– Просто мне позарез нужны новые фантомы, а где их взять, если не на юдифионах.

– Да, но ты могла выбрать торги, не связанные с подразделением «Эйч».

– Могла, но меня не пугают трудности. Жаль только, средства подкачали. – Мария Огненная кивнула на дверь. – Уходим?

В склепе и впрямь было нечего делать. По идее, надо бы поспешить – на улице ждал Джексон, – но меня заинтересовали слова Марии.

– Ты вроде не страдаешь от нехватки духов, – заметила я, взбираясь по ступенькам. – Дался тебе этот. Зачем?

– Духи бегут из нашего сектора. – Пряжки на плаще моей спутницы звякали при каждом шаге. – Судя по всему, их страшит конкретная улица. Ума не приложу, в чем дело. Разве что кто-то проводит сеансы в одном из домов. – Мария внезапно нахмурилась. – Меня это удручает куда сильнее, чем кажется моим ясновидцам. У вас в Четвертом Первой таких проблем наверняка нет.

– Сборщик бы сказал.

– Он у вас полный псих. Не понимаю, как ты с ним работаешь. – Она принялась нервно крутить кольцо на пальце. – Он, случаем, не хочет арендовать место на старом рынке Спитал-филдс?

– Могу уточнить.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарила Мария. – По деньгам мне за твоим боссом в жизни не угнаться. – Она толкнула крышку люка.

– Давай расскажу ему о твоей беде, – предложила я.

– Вряд ли он отреагирует, но попытка не пытка.

Люк открывал путь к руинам церкви. Бледные солнечные лучи пробивались сквозь дырявую крышу часовни Сент-Мэри-ле-Боу – одного из немногочисленных соборов, который не осквернили и не перепрофилировали лондонские легионеры. Внутреннюю отделку здания разгромили еще в начале двадцатого столетия, когда активно уничтожали все, что связано с монархией и загробной жизнью. Каменным ангелам обломали крылья, алтари пали под натиском республиканских вандалов. Зато уцелели колокола. Обстановка напомнила мне Шиол I – отголосок старого мира.

Я задвинула крышку склепа на место. У алтаря, беседуя с Монахом и курьером, стояла женщина. Королева мимов из I-2 и основательница крупнейшего ночного салона в Лондоне, Аббатиса лично явилась встретить своего поделщика – высокая и стройная, в дорогом костюме и затейливой шляпке, венчающей копну роскошных каштановых волос.

– Мария! – всплеснула руками Аббатиса. Ее голос походил на треск зажигаемой спички. – Вот это встреча!

– Мои поздравления, Аббатиса, – сухо откликнулась та. – Отличное приобретение.

– Согласна. Жаль, не могу похвастаться большой коллекцией духов, как некоторые, но аукционы – это так волнующе. Скажи, как у тебя обстоит с красным режимом?

– Пока справляемся. Вы ведь знакомы с Бледной Страницей?

Аббатиса устремила на меня пристальный взгляд сквозь сетчатую вуаль. Мне же удалось разглядеть лишь смуглую кожу, тонкий нос и алый мазок рта.

– Конечно знакомы. Юная протезе Белого Сборщика. Наслышана, наслышана. – Рукой в кружевной перчатке она взяла меня за подбородок. – Из тебя вышел бы прекрасный лунатик.

– У нее и так забот полон рот, а главная – не стать добычей Уивера, – фыркнула Мария. – Рада бы еще поболтать, Аббатиса, но мне нужно успеть проинспектировать рынок.

– Мне необходимо с тобой поговорить, – настаивала ее собеседница. – Выбери – сейчас или вечером.

– На сегодня лимит уже исчерпан – не могу бросить своих ясновидцев надолго, пока в городе объявлена «красная» тревога.

– Хорошо, тогда завтра, – покладисто предложила Аббатиса. – Курьеры уведомят тебя о времени и месте.

Неохотно кивнув, Мария зашагала вперед. Я следом.

– Опасная дамочка. – Королева мимов распахнула двойные двери. – А потрепаться любит – хлебом не корми.

– Интересно, что ей надо?

– Наверное, новых лунатиков. Объясняла ей раз сто: никто из моих не пойдет. Так нет, все равно спрашивает. – На улице дул пронизывающий ветер, и Мария подняла воротник плаща. – Береги себя, милая. И помни – тебе всегда рады в Пятом секторе Первой когорты. Решись подработать – не стесняйся.

– Спасибо, учту.

Распрощавшись со мной, Мария направилась к подземке.

Подобные предложения мне доводилось слышать и прежде, впрочем, как и Элизе, – рекрутеры постоянно «гастролировали» по секторам, подбивая наиболее способных ясновидцев взять халтурку, – но я неизменно отказывалась. Джексон платил щедро, а связываться с другим главарем мимов было рискованно. В Синдикате это считалось предательством и каралось изгнанием, а иногда и смертью.

Однако Мария, похоже, искренне беспокоилась из-за пропажи фантомов, от которых зависело благосостояние ее подчиненных. Она могла бы стать ценным союзником, сумею я добиться желанной гласности. К слову, если не наскребу денег, придется взять халтуру – другого выхода нет.

У обочины меня поджидал частник. Точнее, частница.

– Сборщик сказал, ты собралась в Ковент-Гарден.

– Seriously?

– Серьезнее некуда. Только в темпе. – Женщина вытерла шею платком. – Чревато, когда беглянка еле волочит ноги.

Я юркнула в салон. Наверное, Элиза уже закончила картину. Сай-Лон по-прежнему находился в красном режиме, а значит, меры предосторожности задрали выше, чем шпиль на соборе Святого Павла. Подземщики круглосуточно дежурят у турникетов, военные джипы патрулируют в Центральной когорте дни напролет, легионеров снабдили дополнительным вооружением. Такси миновало огромный экран, где снова и снова вспыхивало мое лицо. От снимка буквально веяло враждебностью: надменные черты, не возбуждавшие сочувствия, сурово сжатые губы, холодные серые глаза, мертвенная бледность кожи. И взгляд, несущий смерть и стужу. Точно так, как говорил Страж.

Страж. Пока я пряталась в цитадели, шарахаясь от собственного отражения, мой недавний союзник тоже превратился в беглого преступника. Наверное, сейчас собирает амарант в загробном мире, чтобы врачевать незажившие шрамы. И постоянно озирается по сторонам в поисках Саргасов. Не знаю, на что похож загробный мир, но мне он представляется мрачным царством, наполненным полумертвыми существами. И Страж со своим мечом рыщет там в поисках наследной правительницы, покинувшей свое королевство на манер Эдуарда VII. Страж в разгар охоты. При мысли об этом у меня в висках застучал адреналин.

Вспомнились его последние слова: «Если я не вернусь... и мы больше не встретимся... знай, что все хорошо. С ней покончено».

Да, он не вернулся, вот только ничем хорошим не пахнет. Что-то случилось в закулисе Сайена, и мне нипочем не узнать, что именно, если Нашира убила моего единственного союзника в стане рефаитов.

Страж поставил на карту и потерял все, чтобы помочь мне сбежать. А я в итоге, поджав хвост, размениваюсь на мелочовку. Не сумела подбить Джекса на борьбу и клянгу Гектора, только когда тот не слышит.

Я выскочила из такси, слишком громко хлопнув дверью. Зик ждал под каменными сводами. Расфуфырился он, как всегда в базарные дни, на славу: узорчатый жилет из парчи, волосы аккуратно причесаны, на носу антикварные очки.

– Как дела, Пейдж?

– Прекрасно. Кстати, отличные очки. – Я повыше натянула платок. – Что стряслось?

– У Элизы готовы три картины. Джексон велел распродать их к утру. Плюс кое-какие мелочи, – сообщил Зик, шагая рядом со мной. – Как раз поможешь торговать. Я в этом деле полный профан.

– Побольше уверенности, – посоветовала я. – Правильный настрой – это наше все. А что за спешка? Джексу срочно понадобилась новая трость?

– Говорит, с деньгами у нас туго.

– Поверю, только когда он перестанет покупать сигары и абсент, – фыркнула я.

– Пока тебя не было, он пьянствовал без остановки. Ни ночи без абсента – мне Надин рассказывала. – За причудливыми стеклами блеснули налитые кровью глаза, как у заправского пьяницы.

– Зик, а Джексон правда меня искал?

– О да! Вплоть до июля. Потом вроде смирился, взял Надин в подельницы. Но в августе, после той стычки на Трафальгарской площади, Ник передал от тебя весточку – и все закрутилось по новой. – Зик поправил очки. – Ну и что он решил? Пойдет ли против рефаитов?

– Нет.

– А ты? Ты собираешься что-нибудь предпринять?

– Он запретил, – ответила я, стараясь не выдать горечи. – Требуется полная отдача для сектора.

Мой спутник покачал головой:

– Бред. Мы не можем сидеть сложа руки.

– Есть конкретные предложения?

– Нет, – вздохнул он. – Ума не приложу, с чего начать. Разговаривал вчера с Ником. Единственный вариант – устроить массовую трансляцию, но для этого нужно попасть в архонт. А если и попадем, как донести до людей то, во что они заведомо не желают верить?

Вот уж не думала, что Зик такой выдумщик. Но идея явно отдавала идиотизмом – еще никто не сумел преодолеть охранную систему «Ока Сайена».

– Зик, не стоит забегать так далеко вперед, – мягко проговорила я. – Начинать надо с малого. Оповестим Синдикат, а уж после займемся цитаделью.

– Оно понятно. Просто мечтаю. – Он вдруг замялся. – Слушай, а Ник не говорил тебе...

– О чем?

– Ладно, проехали. Фантома заполучила? – сменил он тему.

– Нет, Аббатиса меня обскакала. Так о чем ты хотел спросить?

– Не важно. По-моему, Джексу плевать на подразделение «Эйч». Он практически признался, что просто хотел насолить Дидьену.

– Ха, удивил!

Дидьен и Джексон враждовали с незапамятных времен, выясняя отношения то в памфлетах, то на кулаках. Дидьен ненавидел Джекса, «самого бесчестного сэра на свете», и тот платил ему взаимностью, называя никчемным кудлатым бездельником. И вдобавок с гнилыми зубами. Причем в обоих случаях с формулировкой было не поспорить.

Мы миновали колоннаду и вскоре очутились у фонаря. В отличие от тускло-синих ламп Сайена, этот был выполнен из кобальтового стекла с зеленым оттенком – невооруженному глазу и не увидеть. Висел он над дверью магазина подержанного платья. Зик подал едва заметный сигнал ясновидцу за конторкой. Тот кивнул в ответ.

По винтовой лестнице мы спустились в подвал. Покупателей тут не было – лишь стойки с одеждой и три зеркала. Удостоверившись, что рядом никого, Зик толкнул ближайшее зеркало, и оно распахнулось словно дверь, пропустив нас в длинный туннель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.